

Перси Биши Шелли
ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ
Лирическая драма

Audisne hæc, Amphiræ, sub terram abdite?

Слышишь ли ты это, Амфиарей, скрытый под землею?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Греческие трагики, заимствуя свои замыслы из отечественной истории или мифологии, при разработке их соблюдали известный сознательный произвол. Они отнюдь не считали себя обязанными держаться общепринятого толкования или подражать, в повествовании и в заглавии, своим соперникам и предшественникам. Подобный прием привел бы их к отречению от тех самых целей, которые служили побудительным мотивом для творчества, от желания достичь превосходства над своими соперниками. История Агамемнона была воспроизведена на Афинской сцене с таким количеством видоизменений, сколько было самых драм.

Я позволил себе подобную же вольность. Освобожденный Прометей Эсхила предполагал примирение Юпитера с его жертвой, как отплату за разоблачение опасности, угрожавшей его власти от вступления в брак с Фетидой. Согласно с таким рассмотрением замысла, Фетида была дана в супруги Пелею, а Прометей, с соизволения Юпитера, был освобожден от пленничества Геркулесом. Если бы я построил мой рассказ по этому плану, я не сделал бы ничего иного, кроме попытки восстановить утраченную драму Эсхила, и если бы даже мое предпочтение к этой форме разработки сюжета побудило меня лелеять такой честолюбивый замысел, одна мысль о дерзком сравнении, которую вызвала бы подобная попытка, могла пресечь ее. Но, говоря правду, я испытывал отвращение к такой слабой развязке, как примирение Поборника человечества с его Утеснителем. Моральный интерес вымысла, столь мощным образом поддерживаемый страданием и непреклонностью Прометея, исчез бы, если бы мы могли себе представить, что он отказался от своего гордого языка и робко преклонился перед торжествующим и коварным противником. Единственное создание воображения,

сколько-нибудь похожее на Прометей, это Сатана, и, на мой взгляд Прометей представляет из себя более поэтический характер, чем Сатана, так как, — не говоря уже о храбрости, величии и твердом сопротивлении всемогущей силе, — его можно представить себе лишенным тех недостатков честолюбия, зависти, мстительности и жажды возвеличения, которые в Герое Потерянного Рая вступают во вражду с интересом. Характер Сатаны порождает в уме вредную казуистику, заставляющую нас сравнивать его ошибки с его несчастьями и извинять первые потому, что вторые превышают всякую меру. В умах тех, кто рассматривает этот величественный замысел с религиозным чувством, он порождает нечто еще худшее. Между тем Прометей является типом высшего нравственного и умственного совершенства, повинующимся самым чистым, бескорыстным побуждениям, которые ведут к самым прекрасным и самым благородным целям.

Данная поэма почти целиком была написана на горных развалинах Терм Каракаллы, среди цветущих прогалин и густых кустарников, покрытых пахучими цветами, что распространяются в виде все более и более запутанных лабиринтов по огромным террасам и головокружительным аркам, висящим в воздухе. Яркое голубое небо Рима, влияние пробуждающейся весны, такой могучей в этом божественном климате, и новая жизнь, которой она опьяняет душу, были вдохновением этой драмы.

Образы, разработанные мною здесь, во многих случаях извлечены из области движений человеческого ума, или из области тех внешних действий, которыми они выражаются. В современной поэзии это прием необычный, хотя Данте и Шекспир полны подобных примеров, — и Данте более, чем кто-либо другой, и с наибольшим успехом, прибегал к данному приему. Но греческие поэты, как писатели, знавшие решительно о всех средствах пробуждения сочувствия в сердцах современников, пользовались этим сильным рычагом часто. Пусть же мои читатели припишут эту особенность изучению созданий Эллады. потому что в какой-нибудь другой, более высокой, заслуге мне, вероятно, будет отказано.

Я должен сказать несколько чистосердечных слов относительно той степени, в которой изучение современных произведений могло повлиять на мою работу, ибо именно такой упрек делался относительно поэм гораздо более известных, чем моя, и, несомненно, заслуживающих гораздо большей известности. Невозможно, чтобы человек, живущий в одну эпоху с такими писателями, как те, что стоят в первых рядах нашей литературы, мог добросовестно утверждать, будто его язык и направление его мыслей могли не претерпеть изменений от изучения созданий этих исключительных

умов. Достоверно, что если не характер их гения, то формы, в которых он сказался, обязаны не столько их личным особенностям, сколько особенностям морального и интеллектуального состояния тех умов, среди которых они создались. Известное число писателей, таким образом, обладает внешней формой, но им недостает духа тех, кому будто бы они подражают; действительно, форма есть как бы принадлежность эпохи, в которую они живут, а дух должен являться самопроизвольно вспышкой их собственного ума.

Особенный стиль, отличающий современную английскую литературу, — напряженная и выразительная фантастичность, — если его рассматривать как силу общую, не был результатом подражания какому-нибудь отдельному писателю. Масса способностей во всякий период остается, в сущности, одной и той же; обстоятельства, пробуждающие ее к деятельности, непрерывно меняются. Если б Англия была разделена на сорок республик, причем каждая по размерам и населению равнялась бы Афинам, нет никакого основания сомневаться, что, при учреждениях не более совершенных, чем учреждения афинские, каждая из этих республик создала бы философов и поэтов равных тем, которые никогда не были превзойдены, если только мы исключим Шекспира. Великим писателям золотого века нашей литературы мы обязаны пламенным пробуждением общественного мнения, низвергнувшим наиболее старые и наиболее притеснительные формы ортодоксальных предрассудков. Мильтону мы обязаны ростом и развитием того же самого духа: пусть вечно помнят, что священный Мильтон был республиканцем и смелым исследователем в области морали и религии. Великие писатели нашей собственной эпохи, как мы имеем основание предполагать, являются соиздателями и предшественниками какой-то неожиданной перемены в условиях нашей общественной жизни, или в мнениях, являющихся для них цементом. Умы сложились в тучу, она разряжается своей многосложной молнией, и равновесие между учреждениями и мнениями теперь восстанавливается, или близко к восстановлению.

Что касается подражания, поэзия есть искусство мимическое. Она создает, но она создает посредством сочетаний и изображений. Поэтические отвлечения прекрасны и новы, не потому, что составные их части не имели предварительного существования в уме человека или в природе, а потому, что все в целом, будучи создано их сочетанием, дает некоторую мыслимую и прекрасную аналогию с этими источниками мысли и чувства, и с современными условиями их развития: великий поэт представляет из себя образцовое создание природы, и другой поэт не только должен его изучать, но и непременно изучает. Если б он решился исключить из своего созерца-

ния все прекрасное, что существует в произведениях какого-нибудь великого современника, это было бы так же неразумно и так же трудно, как приказать своему уму не быть более зеркалом всего прекрасного, что есть в природе. Такая задача была бы пустым притязанием для каждого, кроме самого великого, и даже у него в результате получились бы напряженность, неестественность и бессилие. Поэт представляет из себя сочетание известных внутренних способностей, изменяющих природу других, и известных внешних влияний, возбуждающих и поддерживающих эти способности; он является таким образом олицетворением не одного неделимого, а двух. В этом отношении каждый человеческий ум изменяется под воздействием всех предметов природы и искусства, под воздействием всякого слова, всякого внушения, которому он позволил влиять на свое сознание; он — как зеркало, где отражаются все формы, сочетаясь в одну. Поэты, так же как философы, живописцы, ваятели и музыканты, являются в одном отношении творцами своей эпохи, в другом — ее созданиями. От такой подчиненности не могут уклониться даже высшие умы. Есть известное сходство между Гомером и Гезиодом, Эсхилом и Эврипидом, Вергилием и Горацием, Данте и Петраркой, Шекспиром и Флетчером, Драйденом и Попом; в каждом из них есть общая родовая черта, под господством которой образуются их личные особенности. Если такое сходство есть следствие подражания, охотно признаюсь, что я подражал.

Пользуюсь этим случаем, чтобы засвидетельствовать, что мною руководило чувство, которое шотландский философ весьма метко определил как «страстное желание преобразовать мир». Какая страсть побуждала его написать и опубликовать свою книгу, этого он не объясняет. Что касается меня, я предпочел бы скорее быть осужденным вместе с Платоном и лордом Бэконом, чем быть в Небесах вместе с Палеем и Мальтусом. Однако было бы ошибкой предполагать, что я посвящаю мои поэтические произведения единственной задаче — усиливать непосредственно дух преобразований, или что я смотрю на них как на произведения, в той или иной степени содержащие какую-нибудь, созданную рассудком, схему человеческой жизни. Дидактическая поэзия мне отвратительна; то, что может быть одинаково хорошо выражено в прозе, в стихах является претенциозным и противным. Моею задачей до сих пор было — дать возможность наиболее избранному классу читателей с поэтическим вкусом обогатить утонченное воображение идеальными красотами нравственного превосходства; я знаю, что до тех пор, пока ум не научится любить, преклоняться, верить, надеяться, добиваться, рассудочные основы морального поведения будут семенами, брошенными на торную дорогу жизни, и беззабот-

ный путник будет топтать их, хотя они должны были бы принести для него жатву счастья. Если бы мне суждено было жить для составления систематического повествования о том, что представляется мне неподдельными элементами человеческого общежития, защитники несправедливости и суеверия не могли бы льстить себя тою мыслью, будто Эхила я беру охотнее своим образцом, нежели Платона.

Говоря о себе с свободой, чуждой аффектации, я не нуждаюсь в самозащите перед лицом людей чистосердечных; что касается иных, пусть они примут во внимание, что, искажая вещи, они оскорбят не столько меня, сколько свой собственный ум и свое собственное сердце. Каким бы талантом ни обладал человек, хотя бы самым ничтожным, он обязан им пользоваться, раз этот талант может сколько-нибудь служить для развлечения и поучения других: если его попытка окажется неудавшейся, несовершенная задача будет для него достаточным наказанием; пусть же никто не утруждает себя, громоздя над его усилиями прах забвения; куча пыли в этом случае укажет на могилу, которая иначе осталась бы неизвестной.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прометей.	Призрак Юпитера.
Азия.	Океан.
Демогоргон.	Дух Земли.
Пантея.	Аполлон.
Океаниды.	Дух Луны.
Юпитер.	Меркурий.
Иона.	Духи Часов.
Земля.	Геркулес.

Духи, Отзвуки Эхо, Фавны, Фурии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена: Индийский Кавказ, ущелье среди скал, покрытых льдом. Над пропастью прикован Прометей. Пантея и Иона сидят у его ног. — Ночь. По мере развития сцены медленно занимается рассвет.

Прометей

Монарх Богов и Демонов могучих,
Монарх всех Духов, кроме Одного!
Перед тобой — блестящие светила,
Несчетные летучие миры:
Из всех, кто жив, кто дышит, только двое
На них глядят бессонными очами:
Лишь ты и я! Взгляни с высот на Землю.
Смотри, там нет числа твоим рабам.
Но что ж ты им даешь за их молитвы,
За все хвалы, коленопреклоненья,

За гекатомбы гибнущих сердец?
Презренье, страх, бесплодную надежду.
И в ярости слепой ты мне, врагу,
Дал царствовать в триумфе бесконечном
Над собственным моим несчастьем горьким,
Над местию неудавшейся твоей.
Три тысячи как будто вечных лет,
Исполненных бессонными часами,
Мгновеньями таких жестоких пыток,
Что каждый миг казался дольше года, —
Сознание, что нет нигде приюта,
И боль тоски, отчаянье, презренье —
Вот царство, где царить досталось мне.
В нем больше славы, вечной и лучистой,
Чем там, где ты царишь на пышном троне,
Которого я не взял бы себе.
Могучий Бог, ты был бы Всемогущим,
Когда бы я с тобою стал делить
Позор твоей жестокой тирании,
Когда бы здесь теперь я не висел,
Прикованный к стене горы гигантской,
Смеющейся над дерзостью орла,
Безмерной, мрачной, мертво-холодной,
Лишенной трав, животных, насекомых,
И форм и звуков жизни. Горе мне!
Тоска! Тоска всегда! Тоска навеки!

Ни отдыха, ни проблеска надежды,
Ни ласки сна! И все же я терплю.
Скажи, Земля, граниту гор не больно?
Ты, Небо, ты, всевидящее Солнце,
Скажите, эти пытки вам не видны?
Ты, Море, область бурь и тихих снов,
Небес далеких зеркало земное,
Скажи, ты было глухо до сих пор,
Не слышало стонаний агонии?
О, горе мне! Тоска! Тоска Навеки!

Меня теснят враждебно ледники,
Пронзают острием своих кристаллов,

Морозно-лунных: цепи, точно змеи,
Вьедаются, сжимают до костей
Объятием — и жгучим, и холодным.
Немых Небес крылатая собака
Нечистым клювом, дышущим отравой,
Огнями яда, данного тобою,
В груди моей на части сердце рвет:
И полчища видений безобразных,
Исчадия угрюмой сферы снов,
Вокруг меня собирается с насмешкой;
Землетрясения демонам свирепым
Доверена жестокая забава —
Из ран моих дрожащих дергать гвозди,
Когда за мной стена бездушных скал
Раздвинется, чтоб тотчас вновь сомкнуться;
Меж тем как духи бурь из бездн гудящих
Торопят диким воем ярость вихря,
Бегут, спешат нестройною толпой,
И бьют меня, и хлещут острым градом.
И все же мне желанны день и ночь,
Бледнеет ли туман седого утра,
Покорный свету солнечных лучей,
Восходит ли по тусклому Востоку,
Меж туч свинцовых, Ночь в одежде звездной,
Медлительна и грустно-холодна, —
Они влекут семью часов бескрылых,
Ползучую ленивую толпу,
И между ними будет час урочный,
Тебя он свергнет, яростный Тиран,
И вынудит — стереть лобзаньем жадным
Потоки крови с этих бледных ног.
Хотя они тебя топтать не будут,
Таким рабом потерянным гнушаясь.
Гнушаясь? Нет, о, нет! Мне жаль тебя.
Как будешь ты ничтожно-беззащитен,
Какая гибель будет властно гнать
Отверженца в бездонных сферах Неба!
Твоя душа, растерзанная страхом.
Откроется, зияя точно ад!

В моих словах нет гнева, много скорби,
Уж больше я не в силах ненавидеть:
Сквозь тьму скорбей я к мудрости пришел.
Когда-то я дышал проклятьем страшным.
Теперь его хотел бы я услышать,
Чтоб взять его назад. Внемлите, Горы.
Чье Эхо чары горького проклятья
Рассыпало, развеяло кругом,
Гремя стозвучно в хоре водопадов!
О, льдистые холодные Ключи,
Покрытые морщинами Мороза,
Вы дрогнули, услышавши меня,
И с трепетом тогда сползя с утесов,
По Индии поспешно потекли!
Ты, ясный Воздух, где блуждает Солнце,
Пылая без лучей! И вы, о Вихри,
Безгласно вы повисли между скал,
С безжизненно-застывшими крылами,
Вы замерли над пропастью притихшей,
Меж тем как гром, что был сильней, чем ваш,
Заставил мир земной дрожать со стоном!
О, если те слова имели власть, —
Хоть зло во мне теперь навек погасло,
Хоть ненависти собственной моей
Я более не помню, — все ж прошу вас,
Молю, не дайте им теперь погибнуть!
В чем было то проклятие? Скажите!
Вы слушали, вы слышали тогда!

Первый голос: из гор

Много дней и ночей, трижды триста веков
Наполнялись мы лавой кипучей,
И, как люди, под бременем тяжких оков,
Содрогались толпою могучей.

Второй голос: от источников

Нас пронзали стремительных молний огни,
Осквернялись мы горькою кровью.
И внимали стенаньям свирепой резни,
И дивились людскому злословью.

Третий голос: из воздуха
С первых дней бытия над землей молодой
Я блистал по высотам и склонам,
И не раз и не два мой покой золотой
Был смущен укоризненным стоном.

Четвертый голос: от вихрей
У подножия гор мы крутились века,
Мы внимали громовым ударам.
И смотрели, как лавы несется река
Из вулканов, объятых пожаром.
Не умели молчать и, чтоб вечно звучать,
Мы желаньем ломали Безмолвья печать,
Отдаваясь ликующим чарам.

Первый голос
Но лишь однажды ледники
До основанья пошатнулись,
Когда мы с ужасом согнулись
В ответ на крик твоей тоски.

Второй голос
Всегда стремясь к пустыне Моря,
Один лишь раз во тьме времен
Промчали мы протяжный стон
Нечеловеческого горя.
И вот моряк, на дне ладьи
Лежавший в сонном забытии,
Услышал рев пучины шумной,
Вскочил, — и, вскрикнув: «Горе мне!» —
Он в Море бросился, безумный.
И скрылся в черной глубине.

Третий голос
Внимая страшным заклинаньям.
Был так истерзан свод Небес,
Что между порванных завес
Рыдания вторили рыданиям:
Когда ж лазурь сомкнулась вновь,
По небу выступила кровь.

Четвертый голос

А мы ушли к высотам спящим.
И там дыханьем леденящим
Сковали шумный водопад:
В пещеры льдистые бежали
И там испуганно дрожали.
Глядя вперед, глядя назад:
От изумленья и печали.
Мы все молчали, мы молчали,
Хотя для нас молчанье — ад.

Земля

Неровных скал безгласные Пещеры
Тогда вскричали: «Горе!» Свод Небес
Ответил им протяжным воплем: «Горе!»
И волны Моря, пурпуром порывшись,
Карабкались на землю с громким воем,
Толпа ветров хлестала их бичом,
И бледные дрожащие народы
Внимали долгий возглас: «Горе! Горе!»

Прометей

Я слышу смутный говор голосов,
Но собственный мой голос дней далеких
Не слышен мне. О мать моя, зачем
Глумишься ты с толпой своих созданий
Над тем, без чьей все выносящей воли
Исчезла б ты с семьей своих детей
Под бешенством свирепого Тирана,
Как легкий дым незримо исчезает,
Развеянный дыханием ветров.
Скажи мне, вы не знаете — Титана,
Кто в горечи своих терзаний жгучих
Нашел преграду вашему врагу?
Вы, горные зеленые долины,
Источники, питаемые снегом,
Чуть видные глубоко подо мной,
Лесов тенистых смутные громады,
Где с Азией когда-то я бродил,

Встречая жизнь в ее глазах любимых, —
Зачем теперь тот дух, что вас живит,
Гнушается беседовать со мною?
Со мною, кто один вступил в борьбу
И встал лицом к лицу с коварной силой
Властителя заоблачных высот,
Насмешливо глядящего на Землю,
Где стонами измученных рабов,
Наполнены безбрежные пустыни.
Зачем же вы безмолвствуете? Братья!
Дадите ли ответ?

Земля

Они не смеют.

Прометей

Но кто ж тогда посмеет? Я хочу
Опять услышать звуки заклинанья.
А! Что за страшный шепот пробежал. —
Встает, растет! Как будто стрелы молний
Дрожат, готовясь бурно разразиться.
Стихийный голос Духа смутно шепчет,
Он близится ко мне, я с ним сливаюсь.
Скажи мне, Дух, как проклял я его?

Земля

Как можешь ты услышать голос мертвых?

Прометей

Ты — Дух живой. Скажи, как жизнь сама
Сказала бы, вода со мной беседу.

Земля

Я знаю речь живых, но я боюсь, —
Жестокий Царь Небес меня услышит
И в ярости привяжет к колесу
Какой-нибудь свирепой новой пытки,
Больней, чем та, которую терплю.
В тебе добро, ты можешь все постигнуть.
Твоя любовь светла, — и, если Боги
Не слышат этот голос, — ты услышишь.

Ты более, чем Бог, — ты мудрый, добрый:
Так слушай же внимательно теперь.

Прометей

Как сумрачные тени, быстрым роем
В моем уме встают и тают мысли,
И вновь трепещут страшную толпой.
Я чувствую, что все во мне смешалось,
Как в том, кто слился с кем-нибудь в объятьи;
Но в этом нет восторга.

Земля

Нет, о, нет, —
Услышать ты не можешь, ты бессмертен,
А эта речь понятна только тем,
Кто должен умереть.

Прометей

Печальный Голос!

Но кто же ты?

Земля

Я мать твоя, Земля.

Та, в чьей груди, в чьих жилах каменистых,
Во всех мельчайших фибрах, — до листьев,
Трепещущих на призрачных вершинах
Деревьев высочайших, — билась радость,
Как будто кровь в живом и теплом теле,
Когда от этой груди ты воспрянул,
Как дух кипучий радости живой,
Как облако, пронизанное солнцем!
И вняв твой голос, все мой сыны
Приподняли измученные лица,
Покрытые обычной грязной пылью,
И наш Тиран, жестокий и всевластный,
В испуге жгучем стал дрожать, бледнеть,
Пока не грянул гром ему в защиту,
И ты, Титан, прикован был к скале.
И вот взгляни на эти миллионы
Миров, что мчатся в пляске круговой,
Со всех сторон пылая вечным блеском:

Их жители, взирая на меня,
Увидели, что свет мой гаснет в Небе;
И встало Море с ропотом протяжным,
Приподнятое властью странной бури;
И столб огня, невиданного прежде,
Под гневом Неба встал из снежных гор,
Тряся своей мохнатой головою;
В равнинах был, Потоп — и стрелы Молний,
Цвели волчцы средь мертвых городов;
В чертогах жабы ползали, и пала
Чума на человека и зверей
И на червей, а с ней явился Голод;
И черный веред глянул на растеньях;
И там, где прежде нежились хлеба,
И там, где виноградник был и травы,
Мелькнули ядовитые цветы,
И сорною толпой зашевелились,
И высосали грудь мою корнями,
И грудь моя иссохла от тоски;
Мое дыханье, — воздух утонченный, —
Мгновенно потемнело, зацятналось
Той ненавистью жгучей, что возникла
У матери к врагу ее детей,
К врагу ее возлюбленного чада;
Я слышала проклятие твое,
И если ты теперь его не помнишь, —
Мои моря, пещеры, сонмы гор,
Мои ручьи, и тот далекий воздух,
И ветры, и несчетные громады
Невнятно говорящих мертвецов
Хранят его, как талисман заветный.
Мы в радованьи тайном размышляем,
Надеемся на страшные слова,
Но вымолвить не смеем.

Прометей

Мать моя!

Все, что живет, что бьется и страдает,
Находит утешенье у тебя,
Цветы, плоды, и радостные звуки,
И сладкую, хоть беглую, любовь;

Не мой удел — изведать это счастье,
Но я свои слова прошу назад,
Отдай их мне, молю, не будь жестокой.

Земля

Ты должен их услышать. Так внимай же!
В те дни, как не был прахом Вавилон,
Мой мудрый сын, кудесник Зороастр,
В саду блуждая, встретил образ свой.
Из всех людей один лишь он увидел
Видение такое. Знай, что есть
Два мира: жизни мир и бледной смерти.
Один из них ты видишь, созерцаешь,
Другой сокрыт в глубинах преисподних,
В туманном обиталище теней
Всех форм, что дышат, чувствуют, и мыслят,
Покуда смерть их вместе не сведет
Навек туда, откуда нет возврата.
Там сны людей, их светлые мечтанья,
И все, чему упорно сердце верит,
Чего надежда ждет, любовь желает;
Толпы видений, образов ужасных,
Возвышенных, и странных, и таящих
Гармонию спокойной красоты;
В тех областях и ты висишь, как призрак
Страданьем искаженный, между гор,
Где бурные гнездятся ураганы;
Все боги там, все царственные силы
Миров неизреченных, сонмы духов,
Теней огромных, властью облеченных,
Герои, люди, звери; Домогоргон,
Чудовищного мрака воплощенье;
И он, Тиран верховный, на престоле
Огнисто-золотом. Узнай, мой сын,
Один из этих призраков промолвит
Слова проклятья, памятного всем, —
Как только воззовешь протяжным зовом,
Свою ли тень, Юпитера, Гадеса,
Тифона, или тех Богов сильнейших,
Властителей дробящегося Зла,

Что в мире распложаются обильно,
С тех пор, как ты погиб, со дня, как стонут
Мои сыны, поруганные чада.
Спроси, они должны тебе ответить,
Спроси, и в этих призраках бесплотных
Отмщение Всевышнего забьется, —
Как бурный дождь, гонимый быстрым ветром,
Врывается в покинутый чертог.

Прометей

О мать моя, хочу, чтоб злое слово
Не высказано было мной опять
Иль кем-нибудь, в ком сходство есть со мною.
Подобие Юпитера, явись!

Иона

Крылами скрыла я глаза,
Крылами мой окутан слух, —
Но чу! мне слышится гроза,
Но вот! встает какой-то Дух.
Сквозь мягких перьев белизну
Я вижу темную волну, —
И свет потух;
О только б не было вреда
Тебе, чьи боли нам больны.
Чьи пытки видим мы всегда,
С кем мы страдать должны.

Пантея

Подземный смерч гудит вокруг,
Звучит гряда разбитых гор,
Ужасен Дух, как этот звук,
На нем из пурпура убор.
Своею жилистой рукой
Он держит посох золотой.
О, страшный взор!
Свирип огонь глубоких глаз,
Тот светоч ненависть зажгла,
Он точно хочет мучить нас,
Но сам не терпит зла.

Призрак Юпитера

Зачем сюда велье тайных сил,
Что властвуют над этим миром странным,
В раскатах бурь закинуло меня,
Непрочное пустое привиденье?
Вкруг уст моих какие звуки реют?
Не так во мраке, бледными устами,
Толпа видений шепчет меж собой.
И ты, скажи, страдалец гордый, — кто ты?

Прометей

Ужасный Образ! Вот таков, как ты,
И он, Тиран свирепый, тот, чьей тенью
Ты должен быть. Я враг его, Титан.
Скажи слова, которые услышать
Желал бы я, хотя глухой твой голос
Не будет отраженьем дум твоих.

Земля

Внимайте все, сдержавши голос Эхо,
Седые горы, древние леса,
Семья ручьев, цветами окруженных,
Пророческих пещер, ключей, бегущих
Вкруг пышных островков, — ликуйте все.
Внимая звукам страшного заклатья,
Которого не можете сказать.

Призрак Юпитера

Какой-то дух, меня своею силой
Окутавши, беседует во мне.
Он рвет меня, как тучу — стрелы молний.

Пантея

Смотрите! он глядит могучим взглядом.
Над ним темнеет Небо.

Иона

Если б скрыться!
Куда бы скрыться мне! Он говорит.

Прометей

В его движеньях, гордых и холодных,
Проклятие сквозит. Я вижу взоры,
В них светится бесстрашный вызов, твердость.
Отчаянье и ненависть, — и все
Как будто бы записано на свитке.
О, говори, скорее говори!

Призрак

Заклятый враг! Свирепствуй! Будь готов
Исчерпать все, безумство, злобу, страсти;
Тиран Людского рода и Богов, —
Есть дух один, что выше дикой власти.
Я здесь! Смотри! Бичуй меня
Морозом, язвою огня,
Громи ветрами, градом, бурей,
Как вестник ужаса приди.
За болью боль нагромозди,
Гони ко мне скорей толпу голодных фурий!

А! Сделай все! Тебе запрета нет.
Ты всемогущ, — собой лишь не владеешь,
Да тем, что я хочу. Источник бед!
Ты бременем над миром тяготеешь.
Пытай на медленном огне
Меня и всех, кто дорог мне;
Гонимый злобой вероломной,
Достигни грани роковой,
А я, с поднятой головой,
Взгляну, как будешь ты греметь из тучи темной.

Но помни, Бог и Царь среди Богов,
Ты, чьей душой исполнен мир мучений,
Ты, правящий под громкий звон оков,
И жаждущий коленопреклонений,
Тебя, мучитель, проклял я,
С тобою ненависть моя.
Она тебя отравит ядом.
Венец, в котором будет зло,

Тебе наденет на чело,
На троне золотом с тобою сядет рядом.

Будь проклят! Знай: тебе придет пора.
Один, ты встретишь вражескую Вечность,
И, зло любя, познаешь власть добра,
Изведаешь мучений бесконечность.
Да будет! Делай зло — и жди,
Потом к возмездию приди, —
Лишенный царского убранства,
Исчерпав бешенство и ложь,
Позорным пленником падешь,
В безбрежности времен, в безбрежности
пространства.

Прометей

Скажи, о, Мать, мои слова то были?

Земля

Твои слова.

Прометей

Мне жаль. Они бесплодны.

Я не хочу, чтоб кто-нибудь страдал.

Земля

О, где для горя взять мне сил!
Теперь Юпитер победил.
Ревни, гремучий Океан!
Поля, покройте кровью ран!
О, Духи мертвых и живых,
Рыдайте в муках огневых.
Земля ответит вам на стон, —
Кто был защитой вам, разбит и побежден!

Первое эхо

Разбит и побежден!

Второе эхо.

И побежден!

И о н а

Не бойтесь: это лишь порыв,
Титан еще не побежден;
Но там, взгляните за обрыв,
За снежный горный склон:
Воздушный Призрак там спешит,
Под ним лазурь Небес дрожит,
Крутится тучек длинный ряд:
Блестя отделкой дорогой,
Его сандалии горят;
Подъятой правой рукой
Как будто он грозит, — и в ней
Сверкает жезл, и вокруг жезла
То меркнет свет, то вспыхнет мгла, —
Играют кольца змей.

П а н т е я

Юпитера герольд, спешит Меркурий.

И о н а

А там за ним? Несчетная толпа, —
Видения с железными крылами,
С кудрями гидры, — вот, они плывут,
Их воплями смущен далекий воздух,
И гневный Бог, нахмурившись, грозит им.

П а н т е я

Юпитера прожорливые псы,
В раскатах бурь бегущие собаки.
Которых он накармливает кровью,
Когда несется в серных облаках,
Пределы Неба громом разрывая.

И о н а

Куда ж они теперь спешат
Неисчислимыми толпами?
Покинув пыток темный ад,
Питаться новыми скорбями!

П а н т е я

Титан глядит не гордо, но спокойно.

Первая фурия
А! Запах жизни здесь я слышу!

Вторая фурия
Дай мне
Лишь заглянуть в лицо ему!

Третья фурия
Надежда
Его терзать мне сладостна, как мясо
Гниющих тел на стихшем поле битвы
Для хищных птиц.

Первая фурия
Еще ты будешь медлить,
Герольд! Вперед, смелей, собаки Ада!
Когда же Майи сын нам пищу даст?
Кто может Всемогущему надолго
Угодным быть?

Меркурий
Назад! к железным башням!
Голодными зубами скрежещите
Вблизи потока воплей и огня!
Ты, Герион, восстань! Приди, Горгона!
Химера, Сфинкс, из демонов хитрейший,
Что Фивам дал небесное вино,
Отравленное ядом, — дал уродство
Чудовищной любви, страшной злобы:
Они за вас свершат задачу вашу.

Первая фурия
О, сжался, сжался! Мы умрем сейчас
От нашего желанья. Не гони нас.

Меркурий
Тогда лежите смирно и молчите. —
Страдалец грозный, я к тебе пришел
Без всякого желанья, против воли,
Иду, гонимый тягостным веленьем

Всевышнего Отца, дабы свершить
Замышленную пытку новой мести.
Мне жаль тебя, себя я ненавижу
За то, что сделать большего не в силах.
Увы, едва вернусь я от тебя,
Как Небо представляется мне Адом, —
И день и ночь преследует меня
Измученный, истерзанный твой образ,
С улыбкой укоризненной. Ты — мудрый,
Ты — кроткий, добрый, твердый, — но зачем же
Напрасно ты упорствуешь один
В борьбе со Всемогушим? Иль не видишь,
Что яркие светильники небес,
Медлительное время измеряя,
Тебе гласят о тщетности борьбы.
И будут вновь и вновь гласить все то же.
И вот опять Мучитель твой, задумав
Тебя подвергнуть пыткам, страшной властью
Облек те силы злые, что в Аду
Неслыханные муки измышляют.
Мой долг — вести сюда твоих врагов,
Нечистых, ненасытных, изощренных
В свирепости, — и здесь оставить их.
Зачем, зачем? Ведь ты же знаешь тайну,
Сокрытую от всех живых существ.
Способную исторгнуть власть над Небом
Из рук того, кто ею облечен,
И дать ее другому: этой тайны
Страшится наш верховный Повелитель:
Одень ее в слова, и пусть она
Придет к его стопам, как твой заступник:
Склони свой дух к мольбе, и будь как тот,
Кто молится в великолепном храме,
Согнув колена, гордость позабыв:
Ты знаешь, что даянье и покорность
Смиряют самых диких, самых сильных.

Прометей

Злой ум меняет доброе согласно
Своей природе. Кто его облек

Могучей властью? Я! А он в отплату
Меня сковал на месяцы, на годы,
На долгие века, — и Солнце жжет
Иссохшую, израненную кожу, —
И холод Ночи снежные кристаллы,
Смеясь, бросает в волосы мои,
В то время как мои любимцы, люди,
Для слуг его потехой стали. Так-то
Тиран платить умеет за добро!
Что ж, это справедливо: злые души
Принять добра не могут: дай им мир, —
В ответ увидишь страх, и стыд, и злобу.
Но только не признательность. Он мстит мне
За ряд своих же низких злодеяний.
Для душ таких добро — больней упрека.
Оно терзает, ранит их, и жалит,
И спать им не дает, твердя о Мести.
Покорности он хочет? Нет ее!
И что сокрыто в том зловещем слове?
Глухая смерть и рабство для людей.
Покорность — Сицилийский меч, дрожащий
На волоске над царскою короной, —
Он мог бы взять ее, но я не дам.
Другие пусть потворствуют Злодейству,
Пока оно, бесчинствуя, царит.
Им нечего бояться: Справедливость,
Достигнув торжества, карать не будет,
А только с состраданием оплачет
Мучения свои. И вот я жду,
А час возмездья близится, и даже
Пока мы речь ведем, он ближе стал.
Но слышишь — то режут собаки Ада,
Скорей, не медли, Небо омрачилось,
Нахмурился во гневе твой Отец.

М е р к у р и й

О, если б можно было нам избежать:
Тебе — страданий, мне — постылой кары
Быть вестником твоих скорбей. Ответь мне,
Ты знаешь, сколько времени продлится

Владычество Юпитера?

Прометей

Одно лишь

Открыто мне: оно должно пройти.

Меркурий

Увы, не можешь ты исчислить, сколько

Еще придет к тебе жестоких мук!

Прометей

Пока царит Юпитер, будут пытки —

Не менее, не более.

Меркурий

Помедли.

Мечтой в немую Вечность погрузись.

Туда, где все, что Время записало.

Все то, что можем в мыслях мы увидеть.

Века, загроможденные веками.

Лишь точкой представляются, — куда

Смущенный ум идти не может больше, —

В пределы, где, уставши от полета,

Он падает и кружится во тьме,

Потерянный, ослепший, бесприютный, —

Быть может даже там ты счесть не сможешь

Всей бездны лет, которые придут

С бессменным рядом новых-новых пыток?

Прометей

Быть может, ум бессилен счесть мученья, —

И все ж они проходят.

Меркурий

Если б ты

Мог жить среди Богов, оваян негой!

Прометей

Мне лучше здесь, — висеть в ущельи мертвом,

Не ведая раскаянья.

Меркурий

Увы!

Дивлюсь тебе, и все ж тебя жалею.

Прометей

Жалей рабов Юпитера покорных,
Снедаемых презрением к себе,
Меня жалеть нельзя, мой дух спокоен,
В нем ясный мир царит, как в солнце — пламя.
Но что слова! Зови скорей врагов.

Иона

Сестра, взгляни, огнем бездымно-белым
Разбило ствол того густого кедра,
Окутанного снегом. Что за гнев
Звучит в раскатах яростного грома!

Меркурий

Его словам, а также и твоим,
Я должен быть послушен. Как мне трудно!

Пантея

Смотри, ты видишь, там дитя Небес
Бежит, скользит крылатыми ногами
По косвенной покатости Востока.

Иона

Сестра моя, сверни скорее крылья,
Закрой глаза: увидишь их — умрешь:
Они идут, идут, рождение дня
Несчетными крылами затемняя,
Как смерть, пустыми снизу.

Первая фурия

Прометей!

Вторая фурия

Титан бессмертный!

Третья фурия

Друг Людского рода!

Прометей

Тот, кто здесь слышит этот страшный голос,
Титан плененный, Прометей. А вы,
Чудовищные формы, — что вы, кто вы?
Еще ни разу Ад, всегда кишаший
Уродствами, сюда не высылал
Таких кошмаров гнусных, порожденных
Умом Тирана, жадным к безобразью;
Смотря на эти мерзостные тени,
Как будто бы я делаюсь подобен
Тому, что созерцаю, — и смеюсь,
И глаз не отрываю, проникаясь
Чудовищным сочувствием.

Первая фурия

Мы — слуги
Обманов, пыток, страха, преступленья
Когтистого и цепкого; всегда,
Подобные собакам исхудалым,
Что жадно гонят раненую лань,
Мы гонимся за всем, что плачет, бьется.
Живет и нам дается на забаву,
Когда того захочет высший Царь.

Прометей

О, множество ужаснейших созданий
Под именем одним! Я знаю вас.
И гладь озер, и стонущее Эхо
Знакомы с шумом ваших темных крыл.
Но все ж зачем другой, кто вас ужасней,
Из бездны вызвал ваши легионы?

Вторая фурия

Не знаем. Сестры, сестры, наслаждайтесь!

Прометей

Что может в безобразьи ликовать?

Вторая фурия

Влюбленные, взирая друг на друга,
От прелести восторга веселеют:

Равно и мы. И как от ярких роз
Воздушный свет струится, нежно-алый,
На бледное лицо склоненной жрицы,
Для празднества сплетающей венки,
Так с наших жертв, с их мрачной агонии,
Струится тень и падает на нас,
Давая вместе с формой одеянье,
А то бы мы без образа дышали,
Как наша мать, бесформенная Ночь.

Прометей

Смеюсь над вашей властью, над тем,
Кто вас послал сюда для низкой цели.
Презренные! Исчерпайте все пытки!

Первая фурия

Не думаешь ли ты, что мы начнем
Срывать от кости кость и нерв от нерва?

Прометей

Моя стихия — боль, твоя — свирепость.
Терзайте. Что мне в том!

Вторая фурия

Да ты как будто
Узнал, что мы всего лишь посмеемся
В твои глаза, лишённые ресниц?

Прометей

Что делаете вы, о том не мыслю,
А думаю, что вы должны страдать,
Живя дыханьем зла. О, как жестоко
То властное веление, которым
Вы созданы, и все, что так же низко!

Третья фурия

Подумал ли о том, что мы способны
Тобою жить, в тебе, через тебя,
Одна, другая, третья, всей толпою?
И если омрачить не можем душу,

Горящую внутри, — мы сядем рядом,
Как праздная крикливая толпа,
Что портит ясность духа самых мудрых.
В вашем уме мы будем страшной думой,
Желаньем грязным в сердце изумленном,
И кровью в лабиринте жил ваших,
Ползущей жгучим ядом агонии.

Прометей

Иначе быть не можете. А я
По-прежнему — владыка над собою,
И рою пыток так же управляю,
Как вами — ваш Юпитер.

Хор фурий

От пределов земли, от пределов земли,
Где и Утро и Ночь полусумрак сплели, —
К нам сюда, к нам сюда!
Вы, от возгласов чьих стон стоит на холмах,
В час, когда города рассыпаются в прах,
Вы, что мчитесь меж туч, разрушенье творя,
И бескрылой стопой возмущая моря.
Вы, что гоните смерч, промелькнувший вдали,
Чтоб со смехом губить и топить корабли, —
К нам сюда, к нам сюда!
Бросьте сонных мертвецов,
Тех, что дремлют сном веков:
Дайте отдых лютой злобе.
Пусть до времени она
Спит, как в тихом черном гробе, —
Встанет свежей после сна, —
Радость вашего возврата.
Бросьте юные умы, —
В них дыхание разврата
Вскормит бешенство чумы.
Пусть безумец тайну Ада
Не измерит силой взгляда:
Страхом собственным смущен,
Будет вдвое мучим он.
К нам сюда, к нам сюда!

Мы бежим из мрачных врат,
Сзади воеет шумный Ад,
Мы плывем,
Гром усилил свой раскат,
Вас на помощь мы зовем!

И о н а

Сестра, я слышу грохот новых крыльев.

П а н т е я

Оплоты скал дрожат от этих звуков.
Как чуткий воздух. Сонмы их теней
Рождают мрак темнее черной ночи.

П е р в а я ф у р и я

К нам домчался быстрый зов,
Нас умчал среди ветров,
С красных пажитей войны;

В т о р а я ф у р и я

Прочь от людных городов;

Т р е т ь я ф у р и я

Где все улицы полны
Стоном тех, кто хочет есть;

Ч е т в е р т а я ф у р и я

Где всечасно льется кровь,
Где страдающих не счесть;

П я т а я ф у р и я

Где пылают вновь и вновь,
В ярком пламени печей,
Белых, жарких —

О д н а и з ф у р и й

Стой, молчи,
Вмиг прервем поток речей,
Не шепчи:
Если в тайне сохраним,

В чем — страшнейшая беда,
Непокорного тогда
Мы скорее победим,
Мы его поработим,
А теперь, Поборник Мысли, он еще неукротим.

Фурия

Порви покров!

Другая фурия

Он порван, он разорван!

Хор

Встала, выросла беда!
С Неба светит на нее
Утра бледная звезда.
Что, спокойствие свое
Позабыл, Титан?
Ты падешь,
Не снесешь
Новых ран!
Что ж, ты похвалишь то знание, что в душах людей пробудил?
Дать им сумел только жажду, — а чем же ты их напоил?
Дал им надежду, желанья, любви лихорадочный бред,
Воды ключей мелководных, — бесплодный вопрос, —
не ответ.

Видишь мертвые поля,
Видишь, видишь, вся Земля
Кровью залита.
Вот пришел один, с душой
Нежной, кроткой и святой,
Молвили уста
Те слова, что будут жить
После смерти этих уст,
Будут истину душить.
Будет мир угрюм и пуст.
Видишь, дальний небосклон
Дымом яростным смущен:
В многолюдных городах

Крик отчаянья и страх.
Плачет нежный дух того,
Кто страдал от слез людских:
Кротким именем его
Губят тысячи других.
Вот, взгляни еще, взгляни:
Где ж блестящие огни?
Точно искрится светляк,
Чуть смущая летний мрак.
Тлеют угли, — вокруг углей
Сонм испуганных теней.
Все глядят по сторонам.
Радость, радость, радость нам!
Все века времен прошедших громоздятся вокруг тебя,
Мрак в грядущем, все столетья помнят только про себя,
Настоящее простерлось, как подушка из шипов,
Для тебя, Титан бессонный, для твоих надменных снов.

Первый полухор

Агония верх взяла:
Он трепещет, он дрожит,
С побледневшего чела
Кровь мучения бежит.
Пусть немного отдохнет:
Вот, обманутый народ
От отчаянья восстал,
Полднем ярким заблистал,
Правды хочет, Правды ждет,
Воли дух его ведет: —
Все как братья стали вновь,
Их зовет детьми Любовь —

Второй полухор

Стой, гляди, еще народ,
Брат на брата, все на всех,
Жатву пышную сберет
Вместе с смертью черный грех:
Кровь, как новое вино,
Шумно бродит, заодно

С горьким страхом, — гибнет мир,
Тлеет, гаснет, — и тиранов, и рабов зовет на пир.
(Все Фурии исчезают, кроме одной.)

И о н а

Сестра, ты слышишь, как благой Титан
В мученьях стонет, — тихо, но ужасно, —
Как будто грудь его должна порваться:
Так бурный смерч взрывает глубь морей.
И стонут вдоль по берегу пещеры.
Быть может, ты осмелишься взглянуть.
Как лютые враги его терзают?

П а н т е я

Смотрела дважды, — больше не могу.

И о н а

Что ж видела?

П а н т е я

Ужасное! прибитый
К кресту, печальный юноша, со взором,
Исполненным терпенья.

И о н а

Что еще?

П а н т е я

Кругом — все небо, снизу — вся земля
Усеяны толпой теней ужасных,
Немых видений смерти человека,
Сплетенных человеческой рукой;
Иные представляются созданием
Людских сердец: толпы людские гибнут
От одного движенья уст и глаз;
Еще другие бродят привиденья.
На них взглянуть — и после жить нельзя,
Не станем искушать сильнейший ужас.
К чему смотреть, когда мы слышим стоны?
Заметь эмблему: кто выносит зло

За человека, кто гремит цепями,
Идет в изгнание, — тот лишь громоздит
И на себя и на него страданья
Все новые и новые.

Прометей

Смягчи

Мучительную боль очей горящих;
Пусть губы искаженные сомкнутся;
Пускай с чела, увитого шипами,
Не льется кровь, — мешается она
С росой глаз твоих! О, дай орбитам,
Которые вращаются в испуге,
Узнать недвижность смерти и покоя:
И пусть твоей угрюмой агонией
Не будет сотрясаться этот крест,
И пальцы бледных рук играть не будут
Запекшеюся кровью. Не хочу
Назвать тебя по имени. Ужасно!
Оно проклятьем стало. Вижу, вижу
Возвышенных, и мудрых, и правдивых;
Твои рабы их с ненавистью гонят;
Иных нечистой ложью отпугнули
От очага их собственных сердец,
Оплаканного после — слишком поздно:
Иные цепью скованы с телами,
Гниющими в темницах нездоровых;
Иные — чу! — толпа хохочет дико! —
Прикованы над медленным огнем.
И множество могучих царств проходит, —
Плывут у ног моих, как острова,
Из глубины исторгнутые с корнем;
Их жители — все вместе, в лужах крови,
В грязи, облитой заревом пожаров.

Фурья

Ты видишь кровь, огонь; ты слышишь стоны;
Но худшее, неслышимо, незримо,
Сокрыто позади.

Прометей

Скажи!

Фурия

В душе

У каждого, кто пережил погибель,
Рождается боязнь: высокий духом
Бойтся увидеть, что верно то,
О чем он даже мыслить не хотел бы:
Встает обычай вместе с лицемерьем.
Как капища, где молятся тому,
Что совестью изношено. Не смея
О том, что людям нужно, размышлять,
Они не сознают, чего не смеют.
У доброго нет силы, кроме той,
Что позволяет плакать безнадежно.
У сильных нет того, что им нужнее,
Чем что-нибудь другое, — доброты.
Мудрец лишен любви, а тот, кто любит,
Не знает света мудрости, — и в мире
Все лучшее живет в объятьях зла.
Для многих, кто богат и власть имеет,
Является мечтою справедливость,
А между тем среди скорбящих братьев
Они живут, как будто бы никто
Не чувствовал: не знают, что творят.

Прометей

Твои слова — как туча змей крылатых.
И все же я жалею тех, кого
Не мучают они.

Фурия

Ты их жалеешь?

Нет больше слов!

(Исчезает)

Прометей

О, горе мне! О, горе!

Тоска всегда! Навеки ужас пытки!
Глаза мои, без слез, закрыты — тщетно:
В душе, терзаньем жгучим озаренной,
Ясней лишь вижу все твои деянья,
Утонченный тиран! В могиле — мир.
В могиле все скрывается благое,
Прекрасное, но я, как Бог, бессмертен,
И смерти не хочу искать. О, пусть,
Свирепый царь, ты страшно мстить умеешь, —
В отмщеньи нет победы. Те виденья,
Которыми ты мучаешь меня,
Моей душе терпенья прибавляют,
И час придет, и призраки не будут
Прообразом действительных вещей.

П а н т е я

Увы! Что видел ты?

П р о м е т е й

Есть два мученья:
Одно — смотреть, другое — говорить;
Избавь меня от одного. И слушай:
В святилищах Природы внесены
Заветные слова, — то клич безгласный,
К высокому и светлому зовущий,
На тот призыв, как человек один,
Сошлись народы, громко восклицая:
«Любовь, свобода, правда!» Вдруг с небес
Неистовство, как молния, упало
В толпу людей, — борьба, обман и страх, —
И вторгнулись тираны, разделяя
Добычу меж собою. Так я видел
Тень истины.

З е м л я

Возлюбленный мой сын,
Я чувствовала все твои мученья,
С той смешанною радостью, что в сердце
Встает от чувства доблести и скорби.
Чтоб дать тебе вздохнуть, я позвала

Прекрасных легких духов, чье жилище —
В пещерах человеческих умов;
Как птицы реют крыльями по ветру,
Так эти духи носятся в эфире;
За нашим царством сумерек они,
Как в зеркале, грядущее провидят;
Они придут, чтоб усладить тебя.

Пантея

О сестра, посмотри, там собираются духи толпой,
Точно хлопья играющих тучек на утре весны,
Наполняют простор голубой.

Иона

Посмотри, вон еще, как туманы среди тишины,
Что встают с родника, если ветры усталые спят,
И встают, и спешат по оврагу скорей и скорей.
Слышишь? Что это? Музыка сосен? Вершины шумят?
Или озеро плещет? Иль шепчет ручей?

Пантея

Это что-то гораздо печальней, гораздо нежней.

Хор духов

С незапамятных времен
Мы не дремлем над толпой
Человеческих племен,
Угнетаемых судьбой.
Мы услада всех скорбей,
Мы защитники людей,
Мы печалимся о них,
Дышим в помыслах людских, —
В нашем воздухе родном:
Если там сгустится тьма,
Если там за летним днем
Встанет бурная зима; —
Или все опять светло,
Словно в час, когда река —
Как недвижимое стекло,
Где не тают облака:
Легче вольных рыб морских,

Легче птиц в дыханьи бурь,
Легче помыслов людских,
Вечно мчащихся в лазурь, —
В нашем воздухе родном
Мы как тучки вешним днем:
Ищем молний и зарниц,
Медлим там, где нет границ.
Мы для всех, кто тверд в борьбе.
Тот завет несем, любя,
Что кончается в тебе,
Начинаясь от тебя.

И о н а

Еще, еще приходят друг за другом,
И воздух, окружающий виденья,
Блистателен, как воздух вкруг звезды.

П е р в ы й д у х

Прочь от яростной борьбы,
Где сошлись на зов трубы
Возмущенные рабы,
Я летел среди зыбей,
Все скорей, скорей, скорей.
Все смешалось там, как сон,
Тень разорванных знамен,
Там глухой протяжный стон
Мчится в меркнушую твердь:
«Смерть! На бой! Свобода! Смерть!»
Но один победный звук,
Выше мрака и могил,
Выше судорожных рук,
Всюду двигался и жил, —
Нежно в яростной борьбе
Тот завет звучал, любя,
Что кончается в тебе,
Начинаясь от тебя.

В т о р о й д у х

Замок радуги стоял,
В море снизу бился вал;

Победительно могуч,
Призрак бури прочь бежал,
Между пленных, между туч,
Жгучих молний яркий луч
Пополам их разделял.
Посмотрел я вниз — и вот
Вижу, гибнет мощный флот,
Точно щепки — корабли,
Бьются, носятся вдали,
Вот их волны погребли, —
Точно ад кругом восстал,
Белой пеной заблистал.
Точно в хрупком челноке,
Плыл спасенный, на доске.
Враг его невдалеке,
Обессилев, шел во тьму —
Доску отдал он ему,
Сам, смиряясь, утонул,
Но пред смертью вздохнул,
Был тот вздох воздушной грез,
Он меня сюда принес.

Третий дух

У постели мудреца
Я, незримый, молча ждал:
Красный свет огня блистал
Возле бледного лица:
Книгу тот мудрец читал.
Вдруг на пламенных крылах
Начал реять легкий Сон,
Я узнал, что это он,
Тот же самый, что в сердцах
Много лет назад зажег
Вдохновенье и печаль,
Ослепительный намек,
Тень огня, что манит вдали.
Он меня сюда увлек —
Быстро, быстро, точно взгляд.
Прежде чем настанет день,
Должен он лететь назад,

А не то сгустится тень
В сонных думах мудреца,
И, проснувшись, он весь день
Не прогонит эту тень
С омраченного лица.

Четвертый дух

У поэта на устах,
Как влюбленный, я дремал
В упоительных мечтах;
Он едва-едва дышал.
Он не ищет нег земных,
Знает ласки уст иных,
Поцелуи красоты,
Что живет в глуши мечты:
Любит он лелеять взор, —
Не волнуясь, не ища, —
Блеском дремлющих озер,
Видом пчел в цветах плюща;
Он не знает, что пред ним,
Занят помыслом одним:
Из всего он создает
Стройность дышущих теней,
Им действительность дает,
Что прекрасней и полней,
Чем живущий человек,
Долговечней бледных дней,
И живет из века в век.
Из видений тех одно
Сна разрушило звено, —
Я скорей умчался прочь,
Я хочу тебе помочь.

И она

Ты видишь, два видения сюда
От запада летят и от востока,
Создания воздушных высших сфер,
Как близнецы, как голуби, что мчатся
К родимому гнезду, — плывут, скользят, —
Ты слышишь звуки нежных песнопений,

Пленительно-печальных голосов,
С любовью в них отчаянье смешалось!

Пантея

Ты говоришь! Во мне слова погасли.

Иона

Их красота дает мне голос. Видишь,
Как светятся изменчивые крылья.
То облачно-пурпурные, то вновь
Лазурные и нежно-золотые;
Улыбкой их окрестный воздух дышет
И светится, как в пламени звезды.

Хор духов

Ты видел нежный лик Любви?

Пятый дух

Летел я над пустыней.
Как облачко, спешил, скользил в пространстве тверди синей:
И этот призрак ускользал на крыльях искрометных.
Звезда — в челе, восторг живой — в движеньях беззаботных:
Куда ни ступит, вмиг цветы воздушные блистают.
Но я иду, они за мной, бледнея, увядают.
Зияла гибель позади: безглавые герои,
Толпы безумных мудрецов, страдальцев юных рои
Сверкали в сумраке ночном. Блуждал я в бездне зыбкой,
Пока твой взор, о Царь скорбей, не скрасил все улыбкой.

Шестой дух

О дух родной! Отчаянье живет в нездешней мгле,
Не носится по воздуху, не ходит по земле,
Придет оно без шороха и веяньем крыла
Навеет упования в сердца, что выше зла,
И лживое спокойствие от тех бесшумных крыл
В сердцах, что дышат нежностью, смиряет страстный пыл.
И музыка воздушная лелет их тогда,
Баюкает и шепчет им о счастье навсегда.
Зовут они Любовь к себе, — чудовище земли, —
Пробудятся и Скорбь найдут в лохмотьях и в пыли.

Х о р

Пусть с Любовью Скорбь — как тень,
Пусть за ней, и ночь, и день,
Гибель мчится по пятам.
Белокрылый скачет конь,
Вестник Смерти, весь — огонь,
Смерть всему, цветам, плодам,
Воплощенью красоты
И уродливым чертам.
Пусть! Но час пробьет, — и ты
Укоротишь безумный бег.

П р о м е т е й

Вам открыто, что придет?

Х о р

Если тает вешний снег,
Если стаял вешний лед, —
Опадает старый лист.
Мягкий ветер нежит слух,
Воздух ласков и душист,
И блуждающий пастух,
Торжествуя смерть зимы,
Уж предчувствует и ждет,
Что шиповник зацветет: —
Так и там, где дышим мы,
Правда, Мудрость и Любовь,
Пробуждаясь к жизни вновь,
Нам, недремлющим в борьбе,
Тот завет несут, любя,
Что кончается в тебе,
Начинаясь от тебя.

И о н а

Куда же скрылись Духи?

П а н т е я

Только чувство
От них осталось в сердце, — словно чары

От музыки, в те светлые мгновенья,
Когда утихнет лютня, смолкнет голос,
Но отзвуки мелодии немой
В душе глубокой, чуткой, лабиринтной
Еще живут и будят долгий гул.

Прометей

Пленительны воздушные виденья,
Но, чувствую, напрасны все надежды,
Одна любовь верна; и как далеко
Ты, Азия, чье сердце предо мной,
В былые дни, открытое, горело,
Как искристая чаша, принимая
Душистое и светлое вино.
Все тихо, все мертво. Тяжелым гнетом
Висит над сердцем сумрачное утро:
Я стал бы спать теперь, хотя с тревогой.
Когда бы можно было мне уснуть.
О, как хотел бы я свершить скорее
Свое предназначенье — быть опорой.
Спасителем страдальца-человека:
А то — уснуть, безмолвно потонуть
В первичной бездне всех вещей, — в пучине.
Где нет ни сладких нег, ни агонии,
Где нет утех Земли и пыток Неба.

Пантея

А ты забыл, что около тебя
Всю ночь, в холодной мгле, тревожно дышет
Одна, чьи очи только и сомкнутся,
Когда над ней тень духа твоего
Наклонится с заботливостью нежной.

Прометей

Я говорил, что все надежды тщетны,
Одна любовь верна: ты любишь.

Пантея

Правда!

Люблю глубоко. Но звезда рассвета

Бледнеет на востоке. Я иду.
Ждет Азия — там, в Индии далекой,
Среди долин изгнания своего, —
Где раньше были дикие утесы,
Подобные морозному ущелью,
Свидетели твоих бессменных пыток,
Теперь же дышат нежные цветы,
Вздыхают травы, отклики лесные,
И звуки ветра, воздуха и вод,
Присутствием ее преображенных, —
Все чудные создания эфира,
Которые живут слияньем тесным
С твоим дыханьем творческим. Прощай!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Утро. — Красивая долина в Индийском Кавказе. — А з и я одна.

А з и я

Во всех дыханьях неба ты нисходишь,
Как дух, как мысль, — Весна, дитя ветров! —
В глазах застывших нежно будишь слезы.
В пустынном сердце, жаждущем покоя,
Биенья ты рождаешь, — о Весна,
Питомица, взлелеянная бурей!
Приходишь ты внезапно, точно свет
Печальных дум о сладком сновиденьи;
Ты — гений, ты — восторг, с лица земли
Встающий сонмом тучек золотистых
В пустыне нашей жизни. Ночь проходит.
Вот время, день и час. Я жду тебя.
Сестра моя, желанная, ты медлишь,
С рассветом ты должна ко мне придти.
Я жду тебя, приходи, приходи скорее!
Едва ползут бескрылые мгновенья,
Еще трепещет бледный лик звезды.
Над алыми вершинами, в просвете

Растущей ввысь оранжевой зари:
Смотря в провал разорванных туманов,
В зеркальной глади озера дрожит
Стыдливая звезда, бледнеет, гаснет —
Опять горит в прозрачной ткани тучек
И нет ее! И сквозь вершины гор.
С их облачно-воздушными снегами,
Трепещет розоватый свет зари.
Чу! слышу вздох Эоловых мелодий, —
То звук ее зеленоватых крыл,
С собою приносящих алость утра.

(Входит Пантея)

Я чувствую глаза твои. Я вижу
Лучистый взор, — в слезах улыбка меркнет.
Как свет звезды, потопленный в туманах
Серебряной росы. Сестра моя,
Любимая, прекрасная! С тобою
Приходит тень души, которой я
Живу. Зачем ты медлила так долго?
Уж солнца светлый шар взошел по морю.
Мой дух надеждой ранен был, пред тем
Как воздух, где ничьих следов не видно,
Почувствовал движенье крыл твоих.

П а н т е я

Прости, сестра! Полет мой был замедлен
Восторгом воспоминаемого сна,
Как медленный полет ветров полдневных,
Впивающих дыхание цветов.
Всегда спала я сладко, пробуждалась
Окрепшею и свежей, до того
Как пал Титан священный, и любовью
Несчастною меня ты научила
Соединять страданье и любовь.
Тогда в пещерах древних Океана
Спала я меж камней зелено-серых,
В пурпурной колыбели нежных мхов;
Тогда, как и теперь, меня Иона
Во сне рукою нежной обнимала,

Касаясь темных ласковых волос,
Меж тем как я закрытыми глазами
К ее груди волнистой прижималась,
Вдыхая свежесть юности ее.
Теперь не то, теперь я словно ветер,
Что падает, стихая от мелодий
Твоих речей безмолвных; я дрожу,
Мой сон смущен какой-то сладкой негой,
Как будто слышу я слова любви;
А только сон уйдет, — приходит мука,
Заботы угнетают.

А з и я

Подними

Опущенный свой взор, — прочесть хочу я
Твой сон.

П а н т е я

Я говорю: у ног его

Спала я вместе с нашею сестрою,
Океанидой. Горные туманы,
Вняв голос наш, сгустились под луной
И хлопьями пушистыми покрыли
Колючий лед, чтоб спать нам не мешал.
Два сна тогда пришли. Один не помню.
В другом я увидела Прометея,
Но не был он изранен, изнурен, —
И ожил вдруг лазурный сумрак ночи
От блеска этой формы, что живет —
Внутри не изменяясь. Прозвучали
Его слова, как музыка, — такая,
Что ум от счастья гаснет, задыхаясь
В восторге опьянения: «Сестра
Той, чьи шаги воздушные рождают
Цветы и чары, — ты, что всех прекрасней.
Лишь менее прекрасна, чем она, —
О тень ее, взгляни!» И я взглянула:
Бессмертный призрак высился, блистая
Любовью ослепительной; и весь, —
В своих воздушных членах, в гармоничных

Устах, порывом страсти разделенных,
В пронзительных и меркнувших глазах, —
Весь, весь горел он пламенем подвижным:
Дыханьем всемогущей сладкой власти
Окутал он меня, и я тонула.
Я таяла, — как облачко росы,
Блуждающей в эфире, тает, тонет,
В дыханье теплых утренних лучей:
Не двигаясь, не слыша, и не видя,
Я вся жила присутствием его,
Он в кровь мою вошел, со мной смешался,
И он был — мной, и жизнь его — моей,
Моя душа в его душе исчезла.
Потом огонь погас, и я опять
Во тьме ночной сама собою стала,
Как сумрачный туман, что в час заката
На соснах собирается и плачет
В дрожащих каплях; мысли вновь зажглись,
И я могла еще услышать голос,
Еще дрожали звуки, замирая,
Как слабый вздох мелодии ушедшей,
Но между смутных звуков только имя
Твое, сестра, могла я разобрать.
Напрасно слух я снова напрягала,
Глухая ночь в безмолвии замкнулась.
Иона, пробудившись ото сна,
Сказала мне: «Не можешь ты представить,
Что в эту ночь встревожило меня!
Всегда я прежде знала, что мне нужно,
Чего хочу; ни разу не вкушала
Блаженства неисполненных желаний.
Чего теперь ищу — сказать не в силах;
Не знаю; только сладкого чего-то,
Затем что даже сладко мне желать;
Ты, верно, посмеялась надо мною,
Негодная сестра, ты, верно, знаешь
Каких-нибудь старинных чар восторги:
С их помощью похитивши мой дух,
Покуда я спала, с своим смешала:
Когда с тобой сейчас мы целовались,

Внутри твоих разъединенных губ
Услышала я сладостный тот воздух,
Что был во мне; живительная кровь,
Без теплоты которой я томилась,
Дрожала в наших членах в миг объятья». —
Звезда Востока между тем бледнела,
И я, сестру оставив без ответа,
Скорей к тебе направила полет.

А з и я

Слова твои — как воздух; не могу я
Проникнуть в них. О, подними свой взор,
Хочу в твоих глазах увидеть цельность
Его души.

П а н т е я

Взгляну, как ты желаешь,
Хотя к земле склоняются они
Под тяжестью невыраженных мыслей.
Что можешь ты увидеть в них иное,
Как не свою прекраснейшую тень?

А з и я

Твои глаза подобны безграничным
Глубоким темно-синим небесам;
Их обрамляют длинные ресницы;
Я вижу в круге — круг, в черте — черту,
Все вместе сплетено в одну безмерность,
Далекую, неясную.

П а н т е я

Зачем

Ты смотришь так, как будто дух прошел?

А з и я

В твоих глазах свершилась перемена:
Там далеко, в их глубине заветной.
Я вижу призрак, образ: это — Он,
Украшенный пленительным сияньем
Своих улыбок, льющих нежный свет,

Как облачко, скрывающее месяц.
Твой образ, Прометей! Еще помедли!
Не говорят ли мне твои улыбки,
Что мы опять увидимся с тобою
В роскошном и блистательном шатре,
Который будет выстроен над миром
Из их лучей нетленных? Сон поведен.
Но что за тень возникла между нами?
Грубеет ветер, только прикоснувшись
К кудрям суровым; взор поспешно-дик;
Но то — создание воздуха: сквозь ткани
Одежды серой искрится роса,
Не выпитая полднем светозарным.

С о н

Иди за мной!

П а н т е я

Мой сон другой!

А з и я

Он скрылся.

П а н т е я

Он шествует теперь в моей душе.
Казалось мне, нока мы здесь сидели,
Вдруг вспыхнули гирляндами цветы
На дереве миндальном, что разбито
Ударом грозовым; поспешный ветер,
С пустынь седых, от Скифии, примчался,
Лицо земли избородил морозом,
И все листья сорвал; но каждый лист, —
Как синий колокольчик Гиацинта
О муках Аполлона повествует,
В себе хранил слова: «ИДИ ЗА МНОЙ».

А з и я

Пока ты говоришь мне, понемногу
Из слов твоих рождаются виденья
И формами своими заполняют
Мой собственный забытый сон. Мне снилось,

Бродили мы с тобой среди долин,
В седом рассвете дня; по горным склонам
Чуть шли стада рунообразных туч,
Густой толпой, лениво повинуюсь
Медлительным веленьем ветерка;
И белая роса висела, молча,
На листьях чуть пробившейся травы;
И многое, — чего я не припомню.
Но вдоль пурпурных склонов сонных гор,
На теневых изображеньях тучек,
Забрезжились слова: «ИДИ ЗА МНОЙ!»
Когда они, блеснувши, стали таять,
Переходя к траве, на каждый лист,
С себя стряхнувший блеск росы небесной, —
Поднялся ветер, в соснах зашумел,
И музыкой звенящей он наполнил
Сквозную сеть их веток, — и тогда,
Звуча, переливаясь, замирая,
Как стон «Прости!» исторгнутый у духов,
Послышалось: «ИДИ! ИДИ ЗА МНОЙ!»
Я молвила: «Пантея, посмотри!»
Но в глубине очей, желанных сердцу,
Все видела: «ИДИ ЗА МНОЙ!»

Э х о

За мной!

П а н т е я

Смеясь между собою вешним утром,
Утесы вторят нашим голосам:
Подумать можно, будто их устами
Вещает дух.

А з и я

Вкруг этих скал нависших
Какое-то витает существо.
Струятся звуки ясные! О, слушай!

Отзвуки эхо, незримые
Мы отзвуки Эхо,
Мы вечно бежим,

Для жизни и смеха
Рождаться спешим, —
Дитя Океана!

А з и я

Чу! меж собою духи говорят.
Еще не смолкли плавные ответы
Воздушных уст. Сестра, ты слышишь?

П а н т е я

Слышу.

О т з в у к и э х о

О, следуй призывам,
За мною, за мною!
К пещерным извивам,
По чаще лесной!
(Более отдаленно.)
О, следуй призывам,
За мною, за мной!
Звуки гают и плывут,
Улетают и зовут,
Вслед за ними поспеши
В чашу леса, где в тиши
Еле дышит меж листов
Сладкий сон ночных цветов,
Где не держит путь пчела,
Где и в полдень вечно мгла,
Где в пещерах лишь ручьи
Льют сияния свои,
Где нежней твоих шагов
Наш воздушный странный зов, —
Дитя Океана!

А з и я

Не следовать ли нам за роем звуков?
Они уходят в даль, они слабеют.

П а н т е я

Чу! ближе к нам опять плывет напев!

Отзвуки эхо
В безвестном молчаньи
Спит мертвая речь.
Лишь ты в состояньи
Тот голос зажечь, —
Дитя Океана!

А з и я

Отхлынул ветер, с ним слабеют звуки.

Отзвуки эхо
О, следуй призывам,
За мною, за мной!
К пещерным извивам,
По чаще лесной!
Звуки тают и плывут,
Улетают и зовут,
В глушь лесную, где — роса,
Где чуть видны небеса,
Где в ущельи древних гор
Блещет зеркало озер,
Где с уклона на уклон
От ключей нисходит звон,
Где когда-то Он, скорбя,
Удалился от тебя,
Чтоб теперь обняться вновь,
Принести любви любовь, —
Дитя Океана!

А з и я

О милая Пантея, дай мне руку,
Иди за мной, пока напев не смолк.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Лес, перемежающийся утесами и пещерами. В него входят А з и я
и П а н т е я. Два молодые Ф а в н а сидят на скале и слушают.

Первый полухор духов
Прошла прекрасная чета,
И путь ее покрыт тенями;

Сокрыта неба красота,
Как сеть нависшими ветвями;
Здесь кедры, сосны, вечный тис
Одной завесою сплелись.
Сюда ни солнце, ни луна,
Ни дождь, ни ветер не заходят;
Здесь медлит вечная весна
И росы дышущие бродят,
Растут лавровые кусты,
Глядят их бледные цветы.

На миг восставши ото сна,
Здесь тотчас вянет анемона;
Звезда случайная, одна,
Сюда заглянет с небосклона;
Но небо мчится, мчится прочь,
И ту звезду сокрыла ночь.

Второй полухор

Здесь в час полудня соловьи
Поют о неге сладострастья,
Сперва один мечты свои
Расскажет в звуках, полных счастья, —
Всего себя изливши, вдруг
Он гаснет, полный сладких мук.

Тогда в плюще, среди ветвей,
Следя за звуком уходящим,
Другой рокочет соловей, —
И полон рокотом звенящим,
И полон жаждою чудес,
Внимает чутко смутный лес.

И кто, войдя в тот лес, молчит,
Он крыльев быстрый плеск услышит,
И будто флейта прозвучит,
И он, волнуясь, еле дышит,
Его зовет куда-то вдаль
До боли сладкая печаль.

Первый полухор

Здесь нежный сон заворочен,
Звеня, кружатся отголоски,
Им Демогоргон дал закон,
Чтоб вечно пели переплески;
И власть он дал им — всех вести
На сокровенные пути.

Когда сугробы стают с гор, —
Поток растет среди тумана,
Ладья спешит в морской простор,
В неизмеримость Океана;
Так душу, полную забот,
Неясный голос вдаль зовет.

И тех, кому настал предел,
Как будто ветер приподнимет,
От их вседневных тусклых дел
Умчит, и звуками обнимет;
И ум не знает, отчего
Так легко быстрый бег его.

Они спешат своим путем,
Плывут в просторе незнакомом,
И звуки падают дождем,
И гимн внезапно грянет громом,
И ветер мчит их в полумгле, —
Умчит к таинственной скале.

Первый фавн

Не можешь ли сказать мне, где живут
Те духи, что мелодией певучей
Звенят в лесах? Заходим мы в пещеры.
Где мало кто бывает, — в глушь лесов, —
И знаем эти странные созданья.
И часто слышим голос их, но встретить
Не можем никогда, — они дичатся.
Где прячутся они?

Второй фавн

Нельзя узнать.
От тех, кто видел много разных духов,
Такой рассказ я слышал: чары солнца
Проходят с высоты на дно затонов,
На илистое дно лесных озер,
Там бледные подводные растенья
Цветут, и с их цветов лучи дневные
Впивают сок воздушных пузырей;
Вот в этих-то шатрах, таких прозрачных,
В зеленой золотистой атмосфере,
Которую засвечивает полдень,
Пройдя сквозь ткань листов переплетенных,
Те духи гармоничные живут;
Когда же их жилища разлетятся,
И воздух, распаленный их дыханьем,
Из этих замков светлых мчится к небу, —
Они летят на искрах, гонят их,
И вниз полет блестящий направляют,
И вновь скользят огнем в подводной мгле.

Первый фавн

О, если так, тогда другие духи
Живут иною жизнью? В лепестках
Гвоздики, в колокольчиках лазурных,
Растущих на лугах? Внутри фиалок,
Иль в их душистой смерти — в аромате?
Иль в капельках сверкающей росы?

Второй фавн

И множество еще придумать можем
Для них жилищ. Но если будем мы
Стоять и так болтать, — Силен сердитый,
Увидев, что до полдня не доили
Мы коз его, начнет на нас ворчать,
За то, что мы поем святые гимны
О Хаосе, о Боге, о судьбе,
О случае, Любви, и о Титане,
Как терпит он мучительную участь,

Как будет он освобожден, чтоб сделать
Единым братством землю, — те напевы,
Которые мы в сумерки поем,
Смягчая одиночество досуга
И заставляя смолкнуть соловьев,
Не знающих, что есть на свете зависть.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Вершина скалы между гор. Азия и Пантея.

Пантея

Сюда привел нас звук, на выси гор,
Где царствует могучий Демогоргон.
Встают врата, подобные жерлу
Вулкана, извергающего искры
Падучих звезд; на утре дней, блуждая,
Здесь люди одинокие впивают
Дыхание пророческих паров,
Зовут их добродетелью, любовью,
Восторгом, правдой, гением, — и пьют
Хмельной напиток жизни, до подонков,
Пока не опьянят себя, — и громко
Кричат, как рой вакханок, «Эвоэ!» —
Для мира заразителен тот голос.

Азия

Престол, достойный Власти! Что за пышность!
Земля, о как прекрасна ты! И если
Ты только тень прекраснейшего духа,
И если запятнала язва зла
Красивое и слабое создание, —
Я все-таки готова ниц упасть,
И перед ним и пред тобой молиться.
И даже в этот миг моя душа
Готова обожать. О, как чудесно!
Взгляни, сестра, пока еще пары
Твой ум не затуманили: под нами
Немая ширь волнистых испарений,
Как озеро в какой-нибудь долине

Среди Индийских гор, под небом утра
Сверкающее блеском серебра!
Смотри, равнина этих испарений,
Подобная могучему приливу,
Плывет, и верх скалы, где мы стоим, —
Как остров одинокий, посредине;
А там, кругом, как пояс исполинский,
Цветущие и темные леса,
Проголины, окутанные мглой,
Пещеры, озаренные ключами,
И ветром зачарованные формы
Кочующих и тающих туманов;
А дальше, с гор, прорезавших лазурь,
От их остроконечностей воздушных,
Встает заря, как брызги светлой пены,
Разбившейся об остров, где-нибудь
В Атлантике, по ветру Океана
Рассыпавшей играющие блески;
Их стены опоясали долину;
От их обрывов, тронутых теплом,
Ревущие струятся водопады
И грохотом тяжелым насыщают
Заслушавшийся ветер; долгий гул,
Возвышенный и страшный, как молчанье!
Снег рушится! Ты слышишь? Это — солнце
Лавину пробудило; те громады,
Просеянные трижды горной бурей,
По хлопьям собирались: так в умах,
На суд зовущих небо, возникает
За думой дума властная, пока
Не вырвется на волю песня правды,
И долгим эхом вторят ей народы.

П а н т е я

Взгляни, прибой туманов беспокойных.
Рассыпался у самых наших ног
Багряной пеной! Ширится все выше,
Как волны Океана, повинуюсь
Волшебной чаре месяца.

А з и я

Обрывки

Огромных туч развеялись кругом:
И ветер, что разносит их, ворвался
В волну моих волос; мои глаза
Как будто слепнут; ум — в водовороте;
Ряд образов прозрачных предо мной!

П а н т е я

Я вижу — вдаль зовущую улыбку!
И в золоте кудрей огонь лазурный!
За тенью тень! Они поют! Внимай!

П е с н ь д у х о в

Вниз, туда, где глубина,
Вниз, вниз!
Где у Смерти, в царстве сна,
С Жизнью вечная война.
Дальше, сквозь обман вещей,
Бросив кладбище теней,
Где миражи обнялись, —
Вниз, вниз!

Неустанно звук спешит

Вниз, вниз!

От собаки лань бежит,
В туче молния дрожит,
Смерть к отчаянью ведет,
За любовью мука ждет;
Мчится все, — и ты умчись
Вниз, вниз!

К бездне вечной и седой, —

Вниз, вниз!

Где ни солнцем, ни звездой
Не зажжется мрак пустой,
Где всегда везде — Одно,
Тем же все Одним полно, —
В эту бездну устремись, —
Вниз, вниз!

В глубь туманной глубины, —
Вниз, вниз!
Для тебя сохранены
Чар властительные сны, —
Ценный камень в рудниках,
Голос грома в облаках, —
Заклинанью подчинись, —
Вниз, вниз!

Мы тебя очаровали,
Заклинанием связали, —
Вниз, вниз!
С утомленьем без печали
Сердцем кротким не борись!
О, в Любви такая сила,
Что ее не победила
Неуступчивость Судьбы,
И Бессмертный, Бесконечный
Эту кротость к жизни вечной
Пробудил от сна борьбы!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Пещера Демогоргона. — Азия и Пантея.

Пантея

Какая форма, скрытая покровом,
Сидит на том эбеновом престоле?

Азия

Покров упал.

Пантея

Я вижу мощный мрак,
Он дышит там, где место царской власти,
И черные лучи струит кругом, —
Бесформенный, для глаз неразличимый;
Ни ясных черт, ни образа, ни членов;
Но слышим мы, что это Дух живой.

Демогоргон

Спроси о том, что хочешь знать.

Азия

Что можешь

Ты мне сказать?

Демогоргон

Все, что спросить посмеешь.

Азия

Кто создал мир живущий?

Демогоргон

Бог.

Азия

Кто создал

Все, что содержит он, — порыв страстей,
Фантазию, рассудок, волю, мысль?

Демогоргон

Бог, Всемогущий Бог.

Азия

Кто создал чувство,

Что в меркнущих глазах рождает слезы,
Светлей, чем взор неплачущих цветов,
Когда весенний ветер, пролетая,
К щеке прильнет случайным поцелуем,
Иль музыкой желанной прозвучит
Любимый голос, — то немое чувство,
Что целый мир в пустыню превращает,
Когда, мелькнув, не хочет вновь блеснуть?

Демогоргон

Бог, полный милосердия.

Азия

Кто ж создал

Раскаянье, безумье, преступленье.

И страх, и все, что, бросив цепь вещей,
Влачась, вползает в разум человека
И там над каждым помыслом висит,
Идя неверным шагом к смертной яме?
Кто создал боль обманутой надежды,
И ненависть — обратный лик любви,
Презрение к себе — питье из крови,
И крик скорбей, и стоны беспокойства,
И Ад, иль острый ужас Адских мук?

Демогоргон

Он царствует.

Азия

Скажи мне только имя, —
Лишь имени его хотят страдальцы,
Проклятия его повергнут ниц.

Демогоргон

Он царствует.

Азия

Я вижу, знаю. Кто?

Демогоргон

Он царствует.

Азия

Кто царствует? В начале
Повсюду были — Небо и Земля,
Любовь и Свет; потом Сатурн явился,
С его престола Время снизошло,
Завистливая тень. В его правленье
Все духи первобытные земли
Спокойствием и радостью дышали,
Как те цветы, которых не коснулся
Ни ветер иссушающий, ни зной,
Ни яд червей полуживых; но не дал
Он права им — рождать себе подобных.
Ни знания, ни власти, ни уменья

Повелевать движеньями стихий,
Ни мысли проникающей, как пламя,
В туманный мир, ни власти над собою,
Ни стройного величия любви,
Чего им так хотелось. И тогда-то
Юпитеру дал мудрость Прометей,
А мудрость — власть; и лишь с одним законом —
«Пусть вечно будет вольным человеком!» —
Ему все Небо сделал он подвластным.
Не ведать ни закона, ни любви,
Ни веры; быть всеильным, не имея
Друзей, — то значит царствовать; и вот
Юпитер царствовал; угрюмым роем
На род людской с небес низверглись беды;
Свирепый голод, темный ряд забот,
Несчастья, болезни и раздоры,
И страшный призрак смерти, неизвестный
Дотоле никому; попеременно
То зной, то холод, сонмом стрел своих,
В безвременное время бесприютных
Погнал к пещерам горным: там себе
Нашли берлогу бледные народы:
И в их сердца пустынные послал он
Кипящие потребности, безумство
Тревоги жгучей, мнимых благ мираж,
Поднявший смуту войн междоусобных
И сделавший приют людей — вертепом.
Увидев эти беды, Прометей
Своим призывом ласковым навеял
Дремоту многоликих упований,
Чье ложе — Элизийские цветы,
Нетленный Амарант, Нипенсис. Молил,
Чтоб эти пробуждения надежды.
Прозрачностью небесно-нежных крыл,
Как радугой, закрыли призрак Смерти.
Послал Любовь связать единой сетью
Сердца людей, — побег виноград.
Дающего напиток бытия.
Смирил огонь, — и пламя, точно зверь,
Хоть хищный, но ручной, резвиться стало

От одного движенья глаз людских:
И золото с железом, знаки власти,
Ее рабы, сокрытые в земле,
Покорны стали воле человека, —
И ценные камни, и яды,
И сущности тончайшие, что скрыты
В воде и в недрах гор; он человеку
Дал слово, а из слова мысль родилась,
Что служит измерением вселенной;
И Знание, упорный враг преград,
Поколебало мощные оплоты
Земли и Неба; стройный ум излился
В пророческих напевах; дух того,
Кто слушал вздохи звуков гармоничных,
Возвысился, пока не стал блуждать
По светлой зыби музыки, изъятый
Из тьмы забот, из смертного удела,
Как Бог; и стали руки человека
Ваяния из камня создавать,
Сначала зримым формам подражая,
Потом превосходя их так высоко,
Что мрамор стал печатью Божества.
Ключей и трав сокрытую целебность
Истолковал, — Недуг вкусил и спал.
И смерть, как сон, являться людям стала.
Он изъяснил запутанность орбит,
Разоблачил пути светил небесных,
И все сказал он — как меняет солнце
Прибежище свое в скитаньях вечных,
Какая власть чарует бледный месяц,
Когда его мечтательное око
Не смотрит на подлунные моря;
Он научил людей, как нужно править
Крылатой колесницей Океана,
И Кельт узнал Индийца. В эти дни
Воздвиглись города; чрез их колонны,
Сверкающие снежной белизной,
Повеяли ласкающие ветры,
С высот на них глядел эфир лазурный,
Вдали виднелось море голубое,

Тенистые холмы. Такие были
Дарованы услады Прометеем,
Чтоб человек имел иной удел;
И вот за это он висит и терпит
Назначенные пытки. Кто же в мире
Является владыкой темных зол,
Чумы неизлечимой, той отравы,
Которая, — лишь стоит человеку
Великое создать и поглядеть
С божественным восторгом на создание, —
Спешит скорей клеймом его отметить,
И делает скитальцем, отщепенцем,
Отверженным посмешищем земли?
Юпитер? Нет: когда, от гнева хмурясь,
Он небо сотрясал, когда противник
Его в своих цепях алмазных проклял, —
Он сам дрожал, как раб. Молю, открой же.
Кто господин его? И раб ли он?

Демогоргон

Все духи, — если служат злу, — рабы.
Таков иль нет Юпитер, — можешь видеть.

Азия

Скажи, кого ты Богом называешь?

Демогоргон

Я говорю, как вы. Юпитер — высший
Из всех существ, которые живут.

Азия

Кому подвластен раб?

Демогоргон

Возможно ль бездне
Извергнуть сокровенность из себя!
Нет образа у истины глубокой,
Нет голоса, чтоб высказать ее.
И будет ли тебе какая польза.
Когда перед тобой весь мир открою

С его круговращением? Заставлю
Беседовать Судьбу, Удачу. Случай,
Изменчивость, и Время? Им подвластно
Все, кроме нескончаемой Любви.

А з и я

Так много вопрошала я, — и в сердце
Всегда ответ такой же находила,
Как ты давал; для этих истин каждый
В себе самом найти оракул должен.
Еще одно спрошу я, и ответ,
Как мне моя душа ответ дала бы,
Когда бы знала то, о чем прошу я.
В урочный час восстанет Прометей
И будет солнцем в мире возрожденном.
Когда же этот час придет?

Демогоргон

Смотри!

А з и я

Раздвинулся утес, в багряной ночи
Я вижу — быстро мчатся колесницы,
На радужных крылах несутся кони
И топчут мрак ветров; их гонят вдаль
Возницы с удивленными глазами,
С безумным взором; тот глядит назад,
Как будто враг за ним заклятый мчится,
Но сзади только — лики ярких звезд;
Другие, с лучезарными очами,
Вперед перегибаются — и жадно
Впивают ветер скорости своей,
Как будто тень, что так для них желанна,
Пред ними — тут — несется — и они
Ее сейчас обнимут — обнимают;
Их локоны блестящие струятся,
Как вспыхнувшие волосы комет;
И все, легко скользя, стремятся дальше.
Все дальше.

Демогоргон

То бессмертные Часы,
О них ты вопрошала за минуту.
Один с тобою хочет говорить.

Азия

С лицом ужасным, дух один замедлил
Полет поспешный темной колесницы
Над бездною разорванных утесов.
Ты, страшный, ты, на братьев непохожий,
Скажи мне, кто ты? Дай мне знать, куда
Меня умчишь?

Дух

Я тень предназначенья,
Страшнейшего, чем этот вид ужасный.
И не зайдет еще вон та планета,
Как черный мрак, со мною восходящий,
Неумолимой ночью обоймет
Небесный трон, царя небес лишенный.

Азия

Что хочешь ты сказать?

Пантея

Тот страшный призрак
Сплывает вверх с престола своего,
Как всплыл бы над равниною морскою
Зловеще-синий дым землетрясения,
Дыхание погибших городов.
Смотри: на колесницу он восходит.
Объяты страхом, кони понеслись.
Смотри, как путь его меж звезд небесных
Чернеет в черной ночи!

Азия

То — ответ.

Не странно ли!

Пантея

Взгляни: у края бездны
Другая колесница; в перламутре
Играет алый пламень, изменяясь
По краю этой раковины нежной,
Как кружево сквозное; юный дух,
Сидящий в ней, глядит, как дух надежды;
Улыбка голубиных глаз его
Притягивает душу; так во мраке
Лампада манит бабочек ночных.

Дух

Поспешностью молний лучистых
Пою я проворных коней,
С зарею, меж туч золотистых,
Купаю их в море огней.
Быстрота! Что сравняется с ней!
Улетим же, о дочь Океана!

Я жажду: и полночь блистает;
Боюсь: от Тифона уйдем;
И с Атласа туча не стает,
Как землю с луной обогнем.
От скитаний мы в полдень вздохнем.
Улетим же, о дочь Океана!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Колесница останавливается в облаке на вершине снежной горы.
Азия, Пантея и Дух Часа.

Дух

Где рассвет и ночная прохлада,
Там был отдых всегда для коня.
Но Земля прошептала, что надо
Гнать коней с быстротою огня, —
Пусть дыхание пьют у меня!

Азия

Ты дышишь в ноздри им, но я могла бы,
Вздыхнув, придать им больше быстроты.

Д у х

Увы! нельзя.

П а н т е я

Скажи, о Дух, откуда
Свет в облаке? Ведь солнце не взошло!

Д у х

Оно взойдет сегодня только в полдень.
На небе Аполлон удержан чудом,
И этот свет, подобный легкой краске
В воде — от роз, глядящихся в фонтан,
Исходит от твоей сестры могучей.

П а н т е я

Да, чувствую, что...

А з и я

Что с тобой, сестра?
Бледнеешь ты.

П а н т е я

О, как ты изменилась!
Не смею на тебя взглянуть. Не вижу,
Лишь чувствую тебя. Почти не в силах
Переносить сиянье красоты.
Я думаю, в стихиях совершилась
Благая перемена, если могут
Они терпеть присутствие твое,
Не скрытое покровом. Нереиды
Рассказывали мне, что в день, когда
Раздвинулась прозрачность океана,
И ты стояла в раковине светлой,
По глади вод хрустальных уплывая.
Меж островов Эгейских, к берегам,
Что носят имя Азии, — любовью,
Внезапно засверкавшей от тебя,
Наполнился весь мир, как светом солнца, —
И небо, и земля, и океан,
И темные пещеры, — до тех пор,

Пока печаль — в душе, откуда встала, —
Не создала затмения; теперь
Не я одна твоя сестра, подруга,
Избранница, — а целый мир со мной
В тебе найти сочувствие хотел бы.
Ты слышишь звуки в воздухе? То весть
Любви всех тех, в ком есть душа и голос.
Ты чувствуешь, что даже мертвый ветер
К тебе любовью страстной дышит? Чу!

(Музыка)

А з и я

Твои слова — как эхо слов его;
По нежности одним лишь им уступят.
Но всякая любовь нежна, — и та,
Что ты даешь, и та, что получаешь;
Любовь — для всех, как свет; и никогда
Ее знакомый голос не наскучит;
Как даль небес, как все хранящий воздух,
Она червя равняет с Божеством.
И кто внушит любовь, тот сладко счастлив,
Как я теперь; но кто полюбит сам,
Насколько он счастливей, после скорби,
Как скоро буду я.

П а н т е я

О, слушай! Духи!

Г о л о с в в о з д у х е , п о ю щ и й
Жизни Жизнь! Любовью дышит
Воздух между губ твоих;
Счастлив тот, кто смех твой слышит.
Спрячь его в глазах своих;
Кто туда свой взгляд уронит,
В лабиринте их потонет.

Чадо Света! Твой покров
Светлых членов не скрывает;
Так завесу облаков

Блеск рассвета разрывает;
И куда бы ты ни шла,
Вкруг тебя растает мгла.

Красота твоя незрима,
Только голос внятен всем,
Ты для сердца ощутима,
Но невидима никем,
Души всех с тобой, как звенья, —
Я, погибшее виденье.

Свет Земли! Везде, где ты,
Тени, в блеске, бродят стройно,
В ореоле красоты
По ветрам идут спокойно,
И погибнут — не скорбя,
Ярко чувствуя тебя.

А з и я

Моя душа — как лебедь сонный,
И как челнок замороженный,
Скользит в волнах серебряного пенья.
А ты, как ангел белоснежный,
Ладью влечешь рукою нежной,
И ветры чуть звенят, ища забвенья.
Тот звук вперед ее зовет,
И вот душа моя плывет
В реке, среди излучин длинных.
Средь гор, лесов, средь новых вод,
Среди каких-то мест пустынных.
И мне уж снится Океан.
И я плыву, за мной — туман,
И сквозь волненье,
Сквозь упоенье,
Все ярче ширится немолкнувшее пенье.
И я кружусь в звенящей мгле забвенья.
Все выше мчимся мы, туда,
Где свет гармонии всегда,
Где небеса всегда прекрасны.
И нет течений, нет пути,

Но нам легко свой путь найти.
Мы чувству музыки подвластны,
И мы спешим. От лучших снов,
От Элизийских островов,
Ты мчишь ладью моих желаний,
В иные сферы бытия, —
Туда, где смертная ладья
Еще не ведала скитаний, —
В тот светлый край, где все любовь,
Где чище волны, ветры тише,
Где землю, узренную вновь,
Соединим мы с тем, что всех предчувствий выше.
Покинув Старости приют,
Где льды свой блеск холодный льют,
Мы Возмужалость миновали,
И Юность, ровный океан,
Где все — улыбка, все — обман,
И детство, чуждое печали.
Сквозь Смерть и Жизнь — к иному дню,
К небесно-чистому огню, —
Чтоб вечно дали голубели!
В Эдем уютной красоты,
Где вниз глядящие цветы
Струят сиянье в колыбели, —
Где мир, где места нет борьбе,
Где жизнь не будет сном докучным,
Где тени, близкие тебе,
Блуждают по морям, с напевом сладкозвучным!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Небо. — Юпитер на престоле; Фетида и другие Божества.

Юпитер

Союз, подвластный мне, — о силы неба,
Вы делите со мною власть и славу,
Ликуйте! Я отныне всемогущ.

Моей безмерной силе все подвластно,
Лишь дух людской, огнем неугасимым,
Еще горит, взметаясь к небесам,
С упреками, с сомнением, с буйством жалоб,
С молитвой неохотной, — громоздя
Восстание, способное подрывться
Под самые основы нашей древней
Монархии, основанной на вере
И страхе, порожденном вместе с адом.
Как хлопья снега в воздухе летят,
К утесу прилипая, — так в пространстве
Бесчисленность моих проклятий людям
Пристала к ним, заставила взбираться
По скатам жизни, ранящим их ноги,
Как ранит лед лишенного сандалий, —
И все-таки они, превыше бед,
Стремятся ввысь, но час паденья близок:
Вот только что родил я чудо мира.
Дитя предназначенья, страх земли,
И ждет оно медлительного часа,
Чтоб с трона Демогоргона примчать
Чудовищную силу вечных членов,
Которой этот страшный дух владеет, —
Оно сойдет на землю и растопчет
Мятежный дух восстанья.
Ганимед,
Налей вина небесного, наполни
Как бы огнем Дедаловые чаши.
И ты, союз торжественных гармоний,
Воспрянь в цветах от пажитей небесных,
Все пейте, все, — покуда светлый нектар
В крови у вас, о Гении бессмертья,
Не поселит дух радости живой,
И шумная восторженность прорвется
В одном протяжном говоре, подобном
Напевам Элизийских бурь.
А ты,
Блестящий образ вечности, Фетида,
Взойди и сядь на трон со мною рядом,
В сиянии желанья, которым

И я, и ты сливаемся в одно.
Когда кричала ты: «О всепобедный
Бог, пощади меня! Изнемогаю!
Присутствие твое — огонь палящий;
Я таю вся, как тот, кого сгубила
Отравой Нумидийская змея», —
В то самое мгновение два духа
Могучие, смешавшись, породили
Сильнейшего, чем оба; он теперь
Невоплощенный между нас витает
Невидимо; он ждет, чтобы к нему
От трона Демогоргона явилось
Живое воплощенье! Чу! грохочут
Среди ветров колеса из огня!
Победа! Слышу гром землетрясения.
Победа! В бысролетной колеснице
Тот мощный дух спешит на высь Олимпа.

*(Приближается колесница Часа. Демогоргон сходит
и направляется к трону Юпитера)*

Чудовищная форма, кто ты?

Демогоргон

Вечность.

Не спрашивай названия страшнее.
Сойди, и в бездну уходи со мною.
Тебя Сатурн родил, а ты меня,
Сильнейшего, чем ты; и мы отныне
С тобою будем вместе жить во тьме.
Не трогай молний. В небе за тобою
Преемника не будет. Если ж хочешь,
С червем полураздавленным сравняйся, —
Он корчится, покуда не умрет, —
Что ж, будь червем.

Юпитер

Исчадь омерзенья!

В глубоких Титанических пещерах
Тебя я растолчу. Вот так! Ты медлишь?
Пощады, о, пощады! Нет ее!

Ни жалости, ни капли снисхожденья!
О, если б враг мой был моим судьей,
Хоть там, где он висит в горах Кавказа,
Прикованный моею долгой мезтью,
Не так бы он судил меня. Скажи мне.
Он кроткий, справедливый и бесстрашный,
Монарх вселенной? Кто же ты? Скажи!
Ответа нет.

Так падай же со мною.
В угрюмых зыбях гибели умчимся.
Как коршун с истощенною змеей.
Сплетенные в одном объятьи схватки
Низвергнемся в безбрежный океан,
Пусть адское жерло испустит пламя.
Пусть в эту бездну огненную рухнет
Опустошенный мир, и ты, и я.
И тот, кто побежден, и победитель.
И выброски ничтожные того,
Из-за чего была борьба.
О, горе!
Не слушают меня стихии. Вниз!
Лечу! Все ниже, ниже! Задыхаюсь!
И, словно туча, враг мой торжеством
Темнит мое падение. О, горе!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Устье широкой реки па острове Атлантиде. — Океан, склонявшийся около берега. — Аполлон возле него.

Океан

Ты говоришь: он пал? Низвергнут в бездну
Бод гневом победителя?

Аполлон

Да! Да!

И лишь борьба, смутившая ту сферу,
Что мне подвластна, кончилась, и звезды
Недвижные на небе задрожали, —

Как ужас глаз его кровавым светом
Все небо озарил, и так он пал
Сквозь полосы ликующего мрака
Последней вспышкой гаснущего дня,
Горящего багряной агонией
По склону неба, смятого грозой.

О к е а н

Он пал в туманность бездны?

А п о л л о н

Как орел,
Застигнутый над высями Кавказа
Взорвавшеюся тучей, в буре бьется,
И с вихрем обнимается крылами, —
И взор очей, глядевших прямо в солнце,
От блеска ярко-белых молнии слепнет,
А град тяжелый бьет его, пока
Он вниз не устремится, точно камень,
Облепленный воздушным цепким льдом.

О к е а н

Отныне под мятежными ветрами
Поля морей, куда глядится Небо,
Не будут подниматься тяжело,
Запятнанные кровью; нет, как нивы,
Едва шумя в дыханьи летних дней,
Они чуть слышно будут волноваться;
Мои потоки мирно потекут
Вокруг материков, кишаших жизнью,
Вкруг островов, исполненных блаженства;
И с тронов глянцевитых будет видно
Протею голубому, влажным нимфам,
Как будут плыть немые корабли;
Так смертные, подняв глаза, взирают
На быструю ладью небес — луну,
С наполненными светом парусами
И с рулевым — вечернею звездой,
Влекомой в быстрой зыби, по отливу

Темнеющего дня; мои валы
В скитаниях не встретят криков скорби.
Не встретят ни насилия, ни рабства,
А лики — в глубь глядящихся — цветов,
Дыхание плавучих ароматов.
И сладостных напевов музыкальность,
Какая духам грезится.

Аполлон

А я

Не буду видеть темных злодеяний.
Мрачащих дух мой скорбью, как затменьё
Подвластную мне сферу омрачает.
Но чу! звенит серебряная лютня.
То юный дух на утренней звезде
Из струн воздушность гимна исторгает.

Океан

Спешу. Твои недремлющие кони
Под вечер отдохнут. Пока прощай.
Морская глубь зовет меня протяжно,
Чтоб я питал ее лазурной негой,
Что в урнах изумрудных, в преизбытке.
Скопляется у трона моего.
Смотри, из волн зеленых Нереиды
Возносятся по теченью, как по ветру,
Волнующихся членов красоту,
Приподняты их руки к волосам,
Украшенным гирляндами растений,
Морскими звездоносными цветами, —
Они спешат приветствовать восторг
Своей сестры могучей.

(Слышен звук волн)

Это — море
Спокойной неги жаждет. Подожди же,
Чудовище. Иду! Прощай.

Аполлон

Прощай.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кавказ. — Прометей, Геркулес, Иона, Земля, Духи, Азия и Пантея несутся в колеснице вместе с Духом Часа. Геркулес освобождает Прометея. Прометей сходит вниз.

Геркулес

Славнейший в царстве духов! Такт, должна
Служить, как раб, властительная сила
Пред мудростью, пред долгою любовью
Пред мужеством, — перед тобой, в чьем сердце
Всех этих светлых качеств совершенство.

Прометей

Твои слова желанней для меня,
Чем самая свобода, о которой
Так долго, так мучительно мечтал я.
Внемлите мне — ты, Азия моя,
Свет жизни, тень неузренного солнца,
Вы, сестры-нимфы, сделавшие мне
Года жестоких пыток сном чудесным,
Любовью вашей скрашенным навек, —
Отныне мы не будем разлучаться.
Здесь есть пещера; вся она кругом
Обвита сетью вьющихся растений,
Семьей цветов, — преградою для дня;
Мерцает пол отливом изумруда,
Звучит фонтан, как песня пробужденья:
С изогнутого верха сходят вниз,
Как серебро, как снег, как бриллианты,
Холодные спирали, слезы гор,
Струят вокруг неверное сиянье:
И слышен здесь всегда-подвижный воздух,
От дерева он к дереву спешит,
С листа на лист; тот рокот — вне пещеры:
И слышно пенье птиц, жужжанье пчел;
Повсюду видны мшистые сиденья,
И камни стен украшены травой,
Продолговатой, сочной: здесь мы будем
В жилище невзыскательном сидеть.

Беседовать о времени, о мире,
О том, как в нем приливы и отливы
Проходят целым рядом перемен,
Меж тем как мы от века неизменны. —
О том, как человека уберечь
От уз его изменчивости вечной.
Вздохнете вы, и я вам улыбнусь,
А ты, Иона, слух наш зачаруешь,
Припомнив звуки музыки морской, —
Пока из глаз моих не брызнут слезы,
Чтоб вы улыбкой стерли их опять.
Переплетем лучи, цветы, и почки,
Сплетем из повседневности узоры,
Нежданные по странности своей, —
Как то доступно детям человека
В рассвете их невинности; мы будем
Упорством слов любви и жадных взглядов
Искать сокрытых мыслей, восходя
От светлого к тому, в чем больше света,
И точно лютни, тронутые в бурю
Воздушным поцелуем, создадим
Все новых-новых звуков гармоничность,
Из сладостных различий без вражды;
Со всех концов небес примчатся с ветром, —
Как пчелы, что с цветов воздушных Энны
Летят к своим знакомым островам,
Домам в Химере, — отзвуки людские,
Почти неслышный тихий вздох любви,
И горестное слово сострадания,
И музыка, сердечной жизни эхо,
И все, чем человек, теперь свободный,
Смягчается и делается лучшим;
Красивые видения, — сперва
Туманные, блистательные позже,
Как ум, в который брошены лучи
От тесного объяття с красотою, —
Прибудут к нам: бессмертное потомство,
Чьи светлые родители — Ваянье
И Живопись, и сказочный восторг
Поэзии, и многие искусства,

Что в эти дни неведомы мечте,
Но будут ей открыты; рой видений,
Призывы, откровения того,
Чем будет человек, — восторг предчувствий,
Связующих зиждательной любовью
Людей и нас, — те призраки и звуки,
Что быстро изменяются кругом,
Становятся прекрасней и нежнее,
В то время как добро сильней растет
Среди людей, бегущих от ошибок.
Таких-то чар исполнена пещера
И все вокруг нее.
(Обращаясь к Духу Часа)
Прекрасный Дух,
Еще одно сверши предназначенье.
Дай раковину светлую, Иона,
Которую из моря взял Протей
Для Азии, как свадебный подарок:
Дыша в нее, он вызовет в ней голос,
Тобою скрытый в травах под скалой.

И о н а

Желанный Час, из всех Часов избранник,
Вот раковина тайная, возьми;
Играют в ней мистические краски,
Лазурь, бледнея, чистым серебром
Ее живет и нежно одевает:
Неправда ли, она как тот напев.
Что дремлет в ней, мечтою убаюкан?

Д у х

Да, в водах Океана нет другой,
Чтоб с ней могла сравниться; в ней, конечно,
Сокрыт напев — и сладостный, и странный.

П р о м е т е й

Спешу, лети над сонмом городов.
Пусть кони ветроногие обгонят
Стремительное солнце, вокруг земли
Свершающее путь: буди повсюду

Горящий воздух: в раковине светлой
Могучесть звуков скрытых воззови, —
На этот гром Земля ответит эхом.
Потом вернись, и будешь вместе с нами
В пещере жить. А ты, о Мать Земля —

Земля

Я слышу, слышу уст родных дыханье.
Твое прикосновение доходит
До центра бриллиантового мрака,
Что бьется в нервах мраморных моих.
О жизнь! О радость! Чувствую дыханье
Бессмертно-молодое! Вкруг меня
Как будто мчатся огненные стрелы.
Отныне в лоне ласковом моем
Все детища мои, растенья, рыбы,
Животные, и птицы, и семья
Ползучих форм и бабочек цветистых,
Летающих на радужных крылах,
И призраки людские, что отраву
В груди моей увядшей находили, —
Теперь взамену яда горьких мук
Найдут иную сладостную пищу;
Все будут для меня — как антилопы,
Рожденные одной красивой самкой,
Все будут нежно-чистыми, как снег,
И быстрыми, как ветер беспокойный,
Питаемый шумящею рекой
Средь белых лилий: сон мой будет реять
Росистыми туманами над миром, —
Бальзам для всех, кто дышит в царстве звезд;
Цветы, свернув листки свои во мраке,
Найдут во сне таинственные краски,
Что раньше им не грезились; а люди
И звери, в сладкой неге снов ночных,
Для зреющего дня найдут блаженство
Нетронутых, нерасточенных сил;
И будет смерть — объятием последним
Той матери, что жизнь дала ребенку
И шепчет: «Милый, будь со мной всегда».

А з и я

Зачем ты вспоминаешь имя смерти?
Скажи, родная, тот, кто умирает,
Перестает глядеть, дышать, любить?

З е м л я

Могу ли я ответить? Ты бессмертна,
А эта речь понятна только тем,
Кто мертвое хранит молчанье, мертвый;
Смерть есть покров, который в царстве жизни
Зовется жизнью: если ж тот, кто жил,
Уснет навек, — покров пред ним приподнят;
А между тем, в разнообразьи нежном,
Проходят смены осени, зимы,
Весны и лета; радугой обвиты,
Спешат дожди, воздушно шепчут ветры,
И стрелы метеоров голубых
Пронизывают ночь, и солнце светит
Всезрящим, вечно-творческим огнем,
И льется влажный блеск спокойствий лунных;
Влияния зиждительные всюду,
В лесах, в полях, и даже в глубине
Пустынных гор, лелеющих растенья.
Но слушай! Есть пещера, где мой дух
Изнемогал от горести безумной,
Дыша твоим мученьем, — и другие,
Дышавшие тем воздухом со мной,
Испытывали также бред безумья:
Построив храм, воздвигли в нем оракул,
И множество кочующих народов
К войне междоусобной подстрекнули;
Теперь в местах, где реял дух вражды,
Вздыхает дуновение фиалок,
Сиянье безмятежное поит
Прозрачный воздух аlostью чудесной:
Живут леса, уклоны гор; змеится
Зеленый виноград; плетет узоры
Причудливый, замысловатый плющ;
Цветы, — в бутонах, — в пышности расцвета, —

С увядшим благовонием, — вздыхают.
Звездятся в ветре вспышками цветными:
Висят плоды округло-золотые
В своих родных зеленых небесах.
Среди листов с их тканью тонких жилок,
Среди стеблей янтарных дышат чаши
Пурпуровых цветов, блестя росой.
Напитком духов: с шепотом о счастье
Кругом чуть веют крылья снов полдневных.
Блаженных, потому что с нами — ты.
Иди в свою заветную пещеру.
Явись! Восстань!

(Дух появляется в образе крылатого ребенка)

Мой факельщик воздушный.
Он в древности светильник погасил,
Чтоб в те глаза смотреть, откуда снова
Достал огня сверкающей любви,
В твои глаза, о дочь моя, в которых
Действительно горит огонь лучистый.
Беги вперед, шалун, веди собрание
Все дальше, за Вакхическую Нису,
Пристанище Менад, — за выси Инда
С подвластной свитой рек, топчи потоки
Извилистых ручьев, топчи озера
Своими неустанными ногами, —
Иди туда, туда, где мирный дол,
К стремнине зеленеющей, где дремлет
На глади неподвижного прудка,
Среди кристальной влаги, образ храма,
Стоящего в прозрачной высоте,
С отчетливою стройностью узоров
Колонн и архитрава, и с похожей
На пальму капителью, с целым роем
Праксителевых форм, созданий мысли,
Чьи мраморные кроткие улыбки
Притихший воздух вечно наполняют
Бессмертием немеркнувшей любви.
Тот храм теперь покинут, но когда-то
Твое носил он имя, Прометей;

Там юноши в пылу соревнования
Сквозь мрак священный в честь твою несли
Твою эмблему — светоч; вместе с ними
Другие проносили тот же факел,
Светильник упования, сквозь жизнь
Идя в могилу, — как и ты победно
Пронес его сквозь тьму тысячелетий
К далекой цели Времени. Прощай.
Иди в тот храм, иди к своей пещере!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Лес. — На заднем фоне пещера. — Прометей, Азия, Пантея,
Иона, и Дух Земли.

И о н а

Сестра! Но это что-то неземное!
Как он легко над листьями скользит!
Над головой его горит сиянье,
Какая-то зеленая звезда;
Сплетаются с воздушными кудрями,
Как пряди изумрудные, лучи;
Он движется, и вслед за ним на землю
Ложатся пятна снега. Кто б он был?

П а н т е я

Прозрачно-нежный дух, ведущий землю
Сквозь небо. С многочисленных созвездий
Издалека он виден всем, и нет
Другой планеты более прекрасной:
Порою он плывет вдоль пены моря,
Проносится на облаке туманном.
Блуждает по полям и городам.
Покуда люди спят; он бродит всюду.
На высях гор, по водам рек широких,
Средь зелени пустынь, людьми забытых —
Всему дивясь, что видит пред собой.
Когда еще не царствовал Юпитер,
Он Азию любил, и каждый час,

Когда освобождался от скитаний,
Он с нею был, чтоб пить в ее глазах
Лучистое и влажное мерцанье.
Ребячески он с ней болтал о том,
Что видел, что узнал, а знал он много,
Хотя о всем по-детски говорил.
И так как он не знал, — и я не знаю,
Откуда он, — всегда он звал ее:
«О мать моя!»

Д у х з е м л и
(бежит к Азии)

О мать моя родная!
Могу ли и беседовать с тобою?
Прильнуть глазами к ласковым рукам,
Когда от счастья взоры утомятся?
И близь тебя резвиться в долгий полдень,
Когда в безмолвном мире нет работы?

А з и я

Люблю тебя, о милый, нежный мой,
Теперь всегда тебя ласкать я буду;
Скажи мне, что ты видел: речь твоя
Была утехой, будет наслаждением.

Д у х з е м л и

О мать моя, я сделался умнее,
Хоть в этот день ребенок быть не может
Таким, как ты — и умным, и счастливым.
Ты знаешь, змеи, жабы, червяки,
И хищные животные, и ветви,
Тяжелые от ягод смертоносных,
Всегда преградой были для меня,
Когда скитался я в зеленом мире.
Ты знаешь, что в жилищах человека
Меня пугали грубые черты,
Вражда холодных взглядов, гневность, гордость,
Надменная походка, ложь улыбок,
Невежество, влюбленное в себя,

С усмешкою тупой, — и столько масок,
Которыми дурная мысль скрывает
Прекрасное создание, — кого
Мы, души, называем человеком:
И женщины, — противнее, чем все,
Когда не так они, как ты, свободны,
Когда не так они чистосердечны, —
Такую боль мне в сердце поселяли,
Что мимо проходить я не решался,
Хотя я был незрим, они же спали;
И вот, последний раз, мой путь лежал
Сквозь город многолюдный, к чаще леса,
К холмам, вокруг него сплетенным цепью;
Дремал у входа в город часовой;
Как вдруг раздался возглас, крик призывный,
И башни в лунном свете задрожали:
То был призыв могучий, нежный, долгий,
Он кончиться как будто не хотел;
Вскочив с постелей, граждане сбежались,
Дивясь, они глядели в Небеса,
А музыка гремела и гремела;
Я спрятался в фонтан, в тенистом сквере,
Лежал, как отражение луны,
Под зеленью листов, на зыбкой влаге.
И вскоре все людские выраженья,
Пугавшие меня, проплыли мимо
По воздуху, бледнеющей толпой.
Развеялись, растаяли, исчезли:
И те, кого покинули они,
Виденьями пленительными стали,
Ниспала с них обманчивая внешность:
Приветствуя друг друга с восхищеньем,
Все спать пошли; когда же свет зари
Забрезжился, — не можешь ты представить, —
Вдруг змеи, саламандры и лягушки,
Немного изменивши вид и цвет,
Красивы стали; все преобразилось:
В вещах дурное сгладилось: и вот
Взглянул я вниз на озеро, и вижу —
К воде склонился куст, переплетенный

С ветвями белладонны: на ветвях
Уселись два лазурных зимородка
И быстрыми движениями клюва
Счищали гроздья светлых ягод амбры,
Их образы виднелись в глади вод,
Как в небе: видя всюду перемены
Счастливые, мы встретились опять.
И в этой новой встрече — верх блаженства.

А з и я

И больше мы не будем разлучаться,
Пока твоя стыдливая сестра,
Ведущая непостоянный месяц, —
Холодную луну, — не взглянет с лаской
На более горячее светило,
И сердце у нее, как снег, растает.
Чтоб в свете вешних дней тебя любить.

Д у х з е м л и

Не так ли, как ты любишь Прометея?

А з и я

Молчи, проказник. Что ты понимаешь?
Ты думаешь, взирая друг на друга,
Вы можете самих себя умножить,
Огнями напоить подлунный воздух?

Д у х з е м л и

Нет, мать моя, пока моя сестра
Светильник свой на небе оправляет,
Идти впотьмах мне трудно.

А з и я

Тсс! Гляди!

(Дух Часа входит)

П р о м е т е й

Мы чувствуем, что видел ты, и слышим,
Но все же говори.

Д у х ч а с а

Как только звук,
Обнявший громом землю с небесами,
Умолк, — свершилась в мире перемена.
Свет солнца вездесущий, тонкий воздух
Таинственно везде преобразились,
Как будто в них растаял дух дюбви
И слил их с миром в сладостном объятьи.
Острее стало зрение мое,
Я мог взглянуть в святилища вселенной;
Отдавшись вихрю, вниз поплыл я быстро,
Ленивыми крылами развевая
Прозрачный воздух; кони отыскиали
На солнце место, где они родились,
И там отныне будут жить, питаясь
Цветами из растущего огня.
Там встану я с своею колесницей,
Похожей на луну, увижу в храме
Пленительные Фидиевы тени —
Тебя, себя, и Азию с Землей,
И вас, о нимфы нежные, — глядящих
На ту любовь, что в наших душах блещет:
Тот храм воскреснет в память перемен,
Вздвигаясь на двенадцати колоннах,
Глядя открыто в зеркало небес
Немым собором, с фресками-цветами:
И змеи-амфисбены...

Но увы!

Увлечшись, ничего не говорю я
О том, что вы хотели бы узнать.
Как я сказал, я плыл к земле, и было
До боли сладко двигаться и жить.
Скитаясь по жилищам человека,
Я был разочарован, не увидев
Таких же полновластных перемен,
Какие ощутил я в мире внешнем.
Но это продолжалось только миг.
Увидел я, что больше нет насилий.

Тиранов нет, и нет их тронов больше.
Как духи, люди были меж собой,
Свободные; презрение, и ужас,
И ненависть, и самоуниженье
Во взорах человеческих погасли.
Где прежде в страшный приговор сплетались,
Как надпись на стене у входа в ад:
«Кто в эту дверь вошел, оставь надежду!»
Никто не трепетал, никто не хмурил
Очей угрюмых; с острым чувством страха
Никто не должен был смотреть другому
В холодные глаза и быть игрушкой
В руках тиранов, гонящих раба
Безжалостно, покуда не падет он,
Как загнанная лошадь: я не видел,
Чтоб кто-нибудь с усмешкой спутал правду,
Храня в своей душе отраву лжи;
Никто огня любви, огня надежды
В своем остывшем сердце не топтал,
Чтобы потом, с изношенной душою,
Среди людей влачиться, как вампир,
Внося во все своей души заразу;
Никто не говорил холодным, общим,
Лишенным содержания языком,
Твердящим *нет* на голос утвержденья,
Звучащим в сердце; женщины глядели
Открыто, кротко, с нежной красотой,
Как небо, всех ласкающее светом, —
Свободные от всех обычных зол,
Изящные блистательные тени,
Они легко скользили по земле,
Беседуя о мудрости, что прежде
Им даже и не снилась, — видя чувства,
Которых раньше так они боялись, —
Сливаясь с тем, на что дерзнуть не смели,
И землю обращая в небеса;
Исчезли ревность, зависть, вероломство,
И ложный стыд, горчайший из всего,
Что портило восторг любви — забвенье.
Суды и тюрьмы, все, что было в них,

Все, что их спертым воздухом дышало,
Орудья пыток, цепи, и мечи,
И скипетры, и троны, и тиары,
Тома холодных, жестких размышлений,
Как варварские глыбы, громоздились,
Как тень того, чего уж больше нет, —
Чудовищные образы, что смотрят
С бессмертных обелисков, поднимаясь
Над пышными гробницами, дворцами
Тех, кто завоевал их, — ряд эмблем,
Намек на то, что прежде было страхом, —
Видения, противные — и богу,
И сердцу человека; в разных формах
Они служили диким воплощеньем
Юпитера, — мучителя миров, —
Народности, окованные страхом,
Склонялись перед ними, как рабы,
С разбитым сердцем, с горькими слезами,
С мольбою, оскверненной грязью лести —
Тому, к кому они питали страх;
Теперь во прахе идола; распались:
Разорван тот раскрашенный покров,
Что в дни былые жизнью назывался
И был изображением небрежным
Людских закоренелых заблуждений:
Упала маска гнусная; отныне
Повсюду будет вольным человек,
Брат будет равен брату, все преграды
Исчезли меж людьми; племен, народов.
Сословий больше нет: в одно все слились,
И каждый полновластен над собой.
Настала мудрость, кротость, справедливость:
Душа людская страсти не забудет.
Но в ней не будет мрака преступления.
И только смерть, изменчивость и случай
Останутся последнею границей,
Последним слабым гнетом над движеньем
Души людской, летящей в небеса,
Туда, где высший лик звезды блистает
В пределах напряженной пустоты.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена. — Часть леса вблизи пещеры Прометея. — Пантея и Иона спят; в течение первой песни они постепенно пробуждаются.

Голос незримых духов

Звезды, бледнея, ушли,
Свет их потух;
Солнце вдали,
Их быстрый пастух,
В выси голубой
Блеском своим
Гонит стада их домой, —
Встает в глубине рассвета,
Метеоры гаснут за ним
В волнах голубого света,
И близкие звезды к далекой звезде
Спешат, отдаваясь предутренним играм,
Толпятся, как лани пред тигром.
Но где же вы? Где?

Длинный ряд темных форм и теней
смутно проходит с пением

Идем мы к забвенью,
Несем к погребенью
Отца отошедших годов;
Уносим мы в вечность
Времен бесконечность,
Мы тени погибших Часов!

Не зеленью тиса,
Не сном кипариса,
А мрачностью мертвых цветов, —
Не светлой росой, —
Почтите слезою
Царя отошедших Часов!

Скорее, скорее!
Как тени, бледнея,
Бегут пред сиянием дня,

Небесной пустыней,
Бездонной и синей,
Развеются в брызгах огня, —

Так пеной мы таем,
Бежим, пропадаем
Пред чадами лучшего дня;
И ветры за нами
Чуть плещут крылами,
Чуть плещут, крылами звеня!

И о н а

Кто там шествует толпой?

П а н т е я

То минувшие Часы
Мчатся длинной тропой
В свете гаснувшей росы.

И о н а

Где же все они?

П а н т е я

Ушли.

Вон уж там, вдали, вдали,
Обогнали молний свет, —
Лишь сказали мы, их нет.

И о н а

Ушли, но куда? К Небесам? Или к морю огромному?

П а н т е я

Ушли навсегда к невозвратному, к мертвому, к темному.

Г о л о с н е з р и м ы х д у х о в

Собираются тучи и тают,
И звездные росы блистают,
Редееет туман,
Высоты безмолвны,
Встал Океан,

Пляшут шумящие волны;
В синей воде
Рождается грохот,
Панический хохот.
Но где же вы? Где?

Бессмертные сосны-громады
Поют вековые баллады;
Их голос могуч,
Звенят их вершины;
Плещется ключ,
Музыке внемлют долины,
Радость везде,
В восторге истома
Рождаются громы.
Но где же вы? Где?

И она

Кто они?

Пантея

Где они?

Полухор часов

Заклятия духов Земли и Лазури
Порвали узорное кружево сна;
Мы спали глубоко в дыхании бури.

Голос

Глубоко?

Полухор второй

Глубоко: где спит глубина.

Полухор первый

Над нами во мраке склонялись виденья
Бежали столетья, враждою полны,
И мы открывали глаза на мгновенье,
Чтоб встретиться с правдой —

Полухор второй
Страшнее, чем сны.

Полухор первый
Любовь позвала нас, и мы задрожали.
Внимали мы лютне Надежды во сне,
И веянье Власти услышав, бежали —

Полухор второй
Как утром волна убегает к волне.

Хор

Носитесь, кружитесь по склонам зефира,
Пронзайте напевом немой небосвод,
Чтоб день торопливый не скрылся из мира
В пещере полночной, за дымкою вод.
Когда-то Часы беспощадной толпою,
Голодные, гнали испуганный день;
Теперь он не будет долиной ночью
Бежать, как бежит полумертвый олень.
Сплетем же, сплетем полнотою певучей
И песни и пляски в живое звено,
Чтоб духи блаженства, как радуга с тучей,
С Часами сливались.

Голос

Сливались в одно.

Пантея

Толпятся Духи разума людского.
Закутаны, как в светлую одежду,
В гармонию напевов неземных!

Хор духов

В восторге своем
Мы пляшем, поем.
И дикие вихри свистят:
Так с птичьей толпой
Над бездной морской
Летучие рыбы летят.

Хор часов

Откуда вы мчитесь? Безумен ваш взгляд!
Ни ваших сандалиях искры горят,
Стремительны крылья, как мысли полет,
Во взорах любовь никогда не умрет!

Хор духов

Из людского ума,
Где сгушалась тьма,
Где была слепота без просвета;
Там растаял туман,
Там теперь океан,
Небеса безграничного света.

Из глубоких пучин,
Где лишь свет — властелин,
Где дворцы и пещеры — хрустальны,
Где с воздушных высот
Вьется Дум хоровод,
Где Часы навсегда беспечальны.

Из немых уголков,
Где в прозрачный альков
Никогда не заглянут измены;
Из лазурной тиши,
Где улыбки Души
Зачаруют, как песня сирены.

Где Поэзии свет,
Где Скульптуры привет,
Где Наука, вздохнув от усилья,
Ключевою водой
И росой молодой
Освежает Дедаловы крылья.

За годами года
Нам грозила беда,
И с тоскою мы ждали блаженства,
Но в траве островов

Было мало цветов,
Полумертвых цветов совершенства.

А теперь наш полет
Человеческий род
Орошает бальзамом участья,
И любовь из всего
Создает торжество,
Создает Элизийское счастье.

Хор духов и часов
Сплетемте ж узоры мелодий певучих;
С небесных глубин, от пределов земли.
Придите, о Духи восторгов могучих,
Чтоб песни и пляски устать не могли:
Как дождь между молний проворных и жгучих,
Мы будем блистать в золотистой пыли,
Мы будем как звуки поющего грома,
Как волны, как тысячи брызг водоема.

Хор духов
Мы закрытую дверь
Отмкнули теперь,
Мы свободны, свободны, как птицы:
По высотам летим,
За звездою следим,
Догоняем сверканье зарницы.

Мы уходим за грань:
Многозвездную ткань
Разрываем в бездонной лазури:
Смерть, и Хаос, и Ночь
Устремляются прочь,
Как туман от грохочущей бури.
Наш могучий полет
Всем Дыханье дает,
И Любовь улыбается Неге;
Звезд играющий рой,
Свет, и Воздух с Землей
Сочетаются в огненном беге.

В пустоте мы поем
И чертог создаем,
Будет Мудрость царить в нем, светлея;
Возрожденья хотим,
Новый мир создадим,
Назовем его сном Прометея.

Хор часов

Рассыпьте, как жемчуг, гармонию слов,
Одни оставайтесь, умчитесь другие;

Полухор первый

Нас манит за небо, за ткань облаков;

Полухор второй

Нас держат, к нам ластятся чары земные;

Полухор первый

Мы быстры, мы дики, свободны во всем,
Мы новую землю мечтой создаем,
У неба не просим ответа;

Полухор второй

Мы шествуем тихим и ясным путем,
И Ночь обгоняем, и День мы ведем,
Мы — Гении чистого света;

Полухор первый

Мы вьемся, поем, — и являются сном
Деревья, и звери, и тучи кругом,
И в хаосе дышат виденья;

Полухор второй

Мы вьемся вокруг океанов земли,
И горы, как тени, под нами легли, —
Созвучия нашего пенья.

Хор часов и духов

Рассыпьте, как жемчуг, гармонию слов.
Одни оставайтесь, умчитесь другие:

Для нежной любви мы сплетаем покров,
Мы всюду несем откровения снов,
Несем облака дождевые.

Пантея

Они ушли!

Иона

Но разве ты не слышишь.
Как дышит сладость нежности минувшей?

Пантея

О, слышу! Так зеленые холмы
Смеются миллионом светлых капель,
Когда гроза, промчавшись, отзвучит.

Иона

И вновь, пока беседа наша длится,
Кругом встают иные сочетанья
Певучих звуков.

Пантея

То напев чудесный,
То музыка грохочущего мира,
Летящего по воздуху немому
И в ветре зажигающего звуки
Эоловых мелодий.

Иона

Слушай, слушай!
Еще звучат стихающие звуки,
Пронзительно-серебристые напевы,
Чаруют душу, с чувствами живут
Одним созвучьем братским, точно звезды,
Кто в воздухе зимы кристальной светят,
Глядя на лик свой в зеркале морей.

Пантея

Но видишь, там, среди ветвей нависших,
Раздвинулись прогалины в лесу,

Средь мхов густых, с фиалками сплетенных,
Один ручей раскинул два течения,
И два ключа спешат, как две сестры,
Чтоб встретиться с улыбкой после вздохов.
Там два виденья в блеске непонятном
Плывут в волнах магических мелодий,
Что все звончей, настойчивей звучат
Во мгле земли, в безветрии лазури.

И о н а

Я вижу, колесница быстро мчится,
Как та ладья тончайшая, в которой
По тающим волнам глубокой ночи
Мать месяцев уносится на Запад,
Когда встает от междулунных снов,
Обвеянных покровом нежной дымки.
И темные холмы, леса, долины
Отчетливо из этой мглы растут,
Как тени в светлом зеркале у мага;
Ее колеса — тучи золотые,
Подобные громадам разноцветным,
Что гении громов молниеносных
Над морем озаренным громоздят,
В тот час, как солнце ринется за волны:
Как будто ветром внутренним гонимы,
Они растут, и катятся, и блещут;
Внутри сидит крылатое дитя,
Его лицо блистает белизною
Нетронутого снега; перья крыльев —
Как пух мороза в солнечных лучах;
Сквозь складки перламутровой одежды
Воздушно-белой, дышит красота
Лучисто-белых членов; кудри — белы,
Как белый свет, рассыпанный по струнам.
Но взор двух глаз — два неба влажной тьмы,
Как будто Божество туда излилось,
Как буря изливается из туч,
И стрельчатых ресниц густые тени
Холодный светлый воздух умягчают;
В руке того крылатого дитяти —

Дрожащий лунный луч; с его конца,
Как кормчий, сходит правящая сила,
Ведя по тучам эту колесницу,
Меж тем как тучи мчатся над травой,
Над царством волн, цветов, и будят звуки
Нежней, чем звон поющего дождя.

П а н т е я

А из другой прогалины стремится,
С гармонией кружащихся циклонов,
Иная сфера, — сотни тысяч сфер
Как будто в ней вращаются, — кристаллы
Могли бы с ней по плотности сравниться.
Но сквозь нее, как сквозь простор пустой,
Плывет сиянье, музыка: я вижу,
Как тысячи кругов, один в другом,
Один легко летящий из другого,
Сплетаются, пурпурно-золотые,
Лазурные, играющие светом,
То белым, то зеленым: сфера в сфере;
И каждое пространство между ними
Населено неожиданными тенями,
Какие снятся духам в глубине
Безжизненных просторов, чуждых света:
Но каждая из тех теней прозрачна,
И все они вращаются, кружатся,
В богатстве направлений разнородных,
На тысяче незримых тонких осей.
И с силой быстроты, в себе самой
Рождающей и гибель, и начало.
Настойчиво, торжественно стремятся,
И смешанностью звуков зажигают
Разумность слов, безумие напевов;
Вращением могучим сложный шар,
Как жерновом, захватывает воды
Блестящего ручья, дробит их мелко,
Из них лазурный делает туман —
На свет похожей тонкости стихийной:
И дикий аромат лесных цветов,
Богатство песен воздуха, деревьев,

Живых стеблей, листов переплетенных,
С их светом переливно-изумрудным,
Вкруг этой напряженной быстроты,
В себе самой преграду находящей,
Сливаются легко в одну воздушность,
Где тонут чувства. В самом центре шара,
Склонясь на алебастровые руки,
Свернувши крылья, кудри разметав,
Забылся Дух Земли в дремоте сладкой.
Усталое и нежное дитя,
Едва лепечут маленькие губы,
В неверном свете собственных улыбок,
И чудится, что шепчет он о том,
Что любит в сновидении.

И о н а

Он только

Гармонии всей сферы подражает.

П а н т е я

С его чела звезда струит лучи,
Подобные мечам огнисто-синим
И копыя золотым, переплетенным
С листьями кроткой мирты — символ мира
Земли и неба, слитых воедино —
Огромные лучи, как будто спицы
Колес незримых, — кружатся они
С круженьем сферы: молнии трепещут,
Летят, бегут, пространство заполняют,
Здесь косвенны они, а там отвесны,
Огнем пронзают сумрачную почву,
И грудь земли разоблачает тайны;
Виднеются без света рудники,
В них слитки золотые, бриллианты,
Игра камней невиданных, бесценных,
Пещеры на столбах из хрусталя,
С отделкой из серебряных растений,
Бездонные колодцы из огня:
Ключи прозрачной влажности, кормильцы
Своих детей — морей необозримых,

Сплетающих свои пары в узоры —
Царям земли, вершинам гор, покрытым
Воздушностью нетронутых снегов,
Одеждою из царских горностаев;
Лучи горят, и в блеске их встают
Умерших циклов скорбные руины:
Вон якоря, обломки кораблей;
Вон доски, превратившиеся в мрамор:
Колчаны, шлемы, копья; ряд щитов,
С вершушками — как голова Горгоны:
Украшенные режущей косою,
Военные повозки; целый мир
Знамен, трофеев, битвенных животных,
Вкруг чьей толпы смеялась смерть: эмблемы
Погибшие умерших разрушений:
Развалина в развалине! Обломки
Обширных населенных городов,
Чьи жители, засыпанные прахом,
Когда-то были, двигались и жили
Толпой нечеловеческой, хоть смертной:
Лежат изображенья страшных дел,
Раскинуты их грубые скелеты,
Их статуи, их капища, дома:
Объятые седым уничтоженьем,
Чудовищные формы, друг на друге,
Друг другом сжаты, стиснуты, разбиты.
В угрюмой, беспощадной глубине,
Другие сверху видятся скелеты
Крылатых и неведомых существ,
Скелеты рыб, что были островами
Подвижной чешуи, — цепей когтистых,
Гигантских змей, — одни из них свились
Вкруг черных скал, — другие, в смертных муках
Своею извивающейся мощью
Испепелив железные утесы,
Застыли в грудах праха; в высоте
Виднеется зубчатый аллигатор,
И землю потрясавший бегемот;
Среди зверей они царями были
И, точно черви в летний день на трупе,
Плодились в вязком иле, размножились

На берегах, средь исполинских трав,
До той поры, когда потоп, сорвавшись
Со свода голубого, задушил их
Одеждою текучей, меду тем как,
Разинув пасть, они пугали воздух
Пронзительным, протяжно-диким воплем,
Иль, может быть, до той поры, когда
Промчался Бог какой-нибудь по небу,
На огненной комете пролетел,
И крикнул: «Да не будет их!» — И вот уж,
Как этих слов, их в мире больше нет.

Земля

Восторг, безумье, счастье, торжество!
Безбрежен блеск блаженства моего!
Я вся горю, дрожу от испуга!
Во мне для муки места нет,
Меня, как тучу, обнял свет,
Уносит бури дуновенье.

Луна

О счастливая сфера земли,
Брат, спокойно бегущий вдали,
От тебя устремляется Дух из огня,
Он певуч, он могуч, он подобно ручью
Проникает в замерзшую сферу мою,
Он проходит, любя, и дыша, и звеня,
Сквозь меня, сквозь меня!

Земля

Мои пещеры, доли, склоны гор,
Мои ключи, бегущие в простор,
Грохочут победительностью смеха;
Вулканы вторят им, горя,
Пустыни, тучи и моря
Им шлют хохочущее эхо.

Они кричат: Проклятие всегда
Пугало нас; нам грезилась беда,
Зловещая угроза разрушенья;

Земля дрожала, и над ней
Из туч свергался дождь камней,
Живому нес уничтоженье.

Чума плыла везде, во все концы;
Соборы, обелиски, и дворцы,
И сонмы гор, окутанных лавиной,
Листы, прильнувшие к ветвям,
Леса, подобные морям,
Казались мертвенной трясиной.

О, счастье! Уничтоженьем зло
Исчерпано; растаяло; прошло;
Все выпито, как стадом ключ в пустыне:
И небеса уже не те,
И в беспредельной пустоте
Любовь — любовь горит отныне.

Луна

Снега на моих помертвелых горах
Превратились в ручьи говорящие.
Мои океаны сверкают в лучах.
Гремят, как напевы звенящие.
Дух загорелся в груди у меня,
Что-то рождается, нежно звеня,
Дух твой, согретый в кипучем огне,
Дышит на мне, —
На мне!
В равнинах моих вырастают цветы,
И зеленые стебли качаются,
В лучах изумрудных твоей красоты
Влюбленные тени встречаются.
Музыкой дышит мой воздух живой,
Море колышет простор голубой,
Тучи, растаяв, сгущаются вновь,
Это любовь, —
Любовь!

Земля

Все камни, весь гранит проникнут ей,
Узлы глубоких спутанных корней,

Листы, что чуть трепещут на вершинах;
Она проносится в ветрах,
Живет в забытых мертвецах,
В никем неизвестных долинах.

И как гроза облачной тюрьмы
Гремит, встает, взрывается из тьмы, —
Болото мысли, спавшее от века,
Огнем любви возмущено,
И страх с тоскою заодно
Бегут, бегут от человека.

Многосторонним зеркалом он был
И столько отражений извратил;
Теперь любовь не смята в нем обманом,
Теперь душа с душой людской,
Как небо с бездною морской
Горят единым океаном.

Ребенок зачумленный так идет
За зверем заболевшим, все вперед,
К расщелине, где ключ целебный блещет,
И возвращается домой,
Здоровый, розовый, живой,
И мать рыдает и трепещет.
Теперь душа людей слилась в одно —
Любви и мысли мощное звено,
И властвует над сонмом сил природных,
Как солнце в бездне голубой
Царем блистает над толпой
Планет и всех светил свободных.

Из многих душ единый дух возник,
В себе самом всему нашел родник,
В нем все течет, сливаясь на просторе,
Как все потоки, все ручьи
Несут течения свои
В неисчерпаемое море.

Обычных дел знакомая семья
Живет в зеленой роще бытия,

И новые в них краски заблистали;
Никто не думал никогда,
Чтоб скорбь и тягости труда
Когда-нибудь так легки стали.

Людская воля, страсти, мрак забот
Слились, преображенные, и вот
Корабль крылатый мчится океаном.
Любовь на нем, как рулевой.
Волна звучит, растет прибой
И манит к новым диким странам.

Все в мире признает людскую власть.
На мраморе запечатлелась страсть.
И в красках спят людских умов мечтанья.
Из светлых нитей — для детей —
Сплетают руки матерой
Живые ткани одеянья.

Людской язык — Орфический напев,
И мысли внемлют звукам, присмирив,
Растут по зову стройных заклинаний.
И гром из дальних облаков
Гремит в ответ на звучный зов
И ждет послушно приказаний.

И взором человека сочтены
Все звезды многозвездной глубины,
Они идут покорными стадами;
И бездна к небу говорит:
«И твой, и твой покров раскрыт!
Людская мысль царит над нами!»

Луна

Наконец от меня отошла
Белой смерти упорная мгла, —
Мой могильный покров
Мертвых снов и снегов;
И в зеленой пустыне моей молодой,

Обнимаясь, идет за счастливой четой
Молодая чета;
И хоть в детях твоих дышит высшая власть,
Но в сердцах у моих — та же нега и страсть,
И одна красота.

Земля

Как теплое дыхание зари,
Обняв росу, живет ее кристаллы,
И золотом пронзает янтари,
И ласки дня властительны и алы,
И мчится ввысь крылатая роса,
Скитается, воздушна и лучиста,
До вечера не бросит небеса,
Весь день висит руном из аметиста, —

Луна

Так и ты лежишь, объята
Блеском радостей беспечных —
Своего же аромата
И своих улыбок вечных.
Сколько есть светил небесных,
Все тебе струят сиянье,
Из лучей плетут чудесных
Золотое одеянье.
И богатством светлой сферы
Ты струишь поток огня,
Ты лучи свои без меры
Проливаешь на меня.

Земля

Вращаюсь я под пирамидой ночи,
Она горит в лазури гордым сном,
Глядит в мои восторженные очи,
Чтоб я могла упиться торжеством;
Так юноша, в любовных снах вздыхая,
Лежит под тенью прелести своей
И нежится, и слышит песни Рая,
Под греющей улыбкою лучей.

Луна

Когда на влюбленных дрожащих устах
В затмении сладком с душою сойдется душа,
Темнеет огонь в лучезарных глазах,
И гордое сердце дрожит, не дыша;
Когда на меня упадет от тебя
Широкая тень, я твоей красотой смущена,
Молчу и дрожу, замираю, любя!
Тобою полна! О, до боли полна!

Сфера жизни, ты блистаешь
Самой светлой красотой,
Ты вокруг солнца пролетаешь
Изумрудною звездой;
Мир восторгов повсеместных
И непознанных чудес.
Меж светильников небесных
Ты избранница небес;
Притягает лучезарный,
Победительный твой вид,
Как влечет Эдем полярный
И любимых глаз магнит;
Под тобою я кристальна,
Я невестой создана,
От блаженных снов печальна,
До безумья влюблена;
Ненасытно я взираю
На тебя со всех сторон,
Как Вакханка умираю,
Мой восторг заморожен;
Так в исполненных прохлады,
Дивных Кадмовых лесах
Собирались Менады
И кружились в сладких снах.
О, куда бы ты ни мчалась,
Я должна спешить вослед,
Лишь бы ты мне улыбалась,
Лишь бы твой увидеть свет;
В беспредельности пространства

Я приют себе нашла,
От тебя свое убранство,
Красоту свою взяла,
От тебя мой блеск исходит,
Я слилась с душой твоей, —
Как влюбленная походит
На того, кто дорог ей, —
Как, в окраске изменяясь,
Вечно слит хамелеон
С тем, где дышит он, скрываясь,
С тем, на что взирает он, —
Как фиалка голубеет,
Созерцая даль небес, —
Как туман речной темнеет,
Если смолк вечерний лес,
Если солнце отблистает
И на склонах гор темно.

Земля

И угасший день рыдает,
Отчего так быть должно.
Луна! Луна! Твоя голос негой дышит,
Моя душа его с отрадой слышит,
И в тот же миг волна ладью колышет
Средь островов, навек спокойных.
Луна! Луна! С мелодией кристальной
Пришел покой к моей пещере дальней,
Бальзам отрады сладостно-печальной
Для вспышек тигровых и знойных.

Пантея

Мне чудится, я только что купалась
Меж темных скал, среди лазурной влаги,
Игравшей переливами сиянья,
В потоке звуков.

Иона

Милая сестра.
Мне больно, — звуки прочь от нас умчались,
И правда, можно было бы подумать.

Что вышла ты из тех певучих волн:
Твои слова струятся нежной, ясной
Росой, как капли с влажных членов нимфы.
Когда она выходит из воды.

П а н т е я

Молчи, молчи! Властительная Сила.
Как мрак, встает из самых недр земли,
И с неба ночь густым дождем струится,
Нахлынуло из воздуха затменье,
И светлые видения, в чьем лоне
Бродили с пеньем радостные духи,
Горят подобно бледным метеорам
В дождливую погоду.

И о н а

Чувство слов

Дрожит в моих ушах.

П а н т е я

То звук всемирный!

Как бы слова, что говорят: Внемли.

Д е м о г о р г о н

Земля, спокойно-светлая держава,
Теней и звуков стройная краса,
Блаженная, божественная слава,
Любовь, чьим снегом полны небеса!

З е м л я

Я слышу твой призыв: я меркну, как роса!

Д е м о г о р г о н

Луна, чей взгляд взирает с удивленьем
На землю в час ночной, когда она
Исполнена спокойным восхищеньем,
Увидя, как светло горит Луна!

Л у н а

Я слышу: я, как лист дрожащий, смущена!

Демогоргон

Цари светил, Воздушные Престолы,
Союз Богов и Демонов, пред кем
Раскинуты безветренные долы,
Пустынных звезд заоблачный Эдем!

Голос с высоты

Мы слышим твой призыв: равно мы светим всем!

Демогоргон

Герои отошедших лет, немые,
Должны ль вы были в смерти утонуть,
Как часть вселенной, или как живые —

Голос снизу

Меняемся и мы, уходим в новый путь!

Демогоргон

Вы, Гении стихийные, чьи хоры,
Умы людей звездой заменив,
Уносятся в небесные соборы,
На дне морей питают волн порыв!

Смутный голос

Мы слышим: пробудил Забвенья твой призыв!

Демогоргон

Вы, Духи, чьи дома — живое тело!
Вы, звери, птицы, рыбы, рой цветов,
Туманы, тучи дальнего предела,
Стада падучих звезд, услышьте зов!

Голос

Твой клич для нас звучит, как долгий шум лесов!

Демогоргон

Ты, Человек, мучитель и страдалец,
От древних дней обломок: глубока
Была твоя печаль; ты был скиталец,
Сквозь мрак ночной тебя вела тоска.

Все

Пророчествуй: тебе внимают все века!

Демогоргон

Вот день, избранник времени счастливый!
Его заклатьем вызвал Сын Земли,
Чтоб люди видеть счастье могли:
Любовь с престола власти терпеливой,
Победоносная, сошла
И собрала свои усилья,
Из крайней пытки создала
Благословенье изобилья,
Простерла надо всем врачующие крылья.

Терпенье, Мудрость, Нежность. Доброта —
Почать над тем, в чем скрыто Разрушенье:
И если Вечность, мать Уничтоженья,
Растворит дверь, где дремлет темнота,
Освободит змею измены
И кинет в мир чуму, как бич,
Желайте лучшей перемены.
Пошлите в воздух звучный клич:
Вот чары, чтоб опять гармонии достичь: —

Не верить в торжество несовершенства:
Прощать обиды, черные, как ночь;
Упорством невозможность превозмочь;
Терпеть, любить; и так желать блаженства,
Что Солнце вспыхнет сквозь туман
И обессилеет отрава, —
Над этим образ твой, Титан,
Лишь в этом Жизнь, Свобода, Слава,
Победа Красоты, лучистая Держава!